

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

Институт географии
Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Главный редактор:

Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

Артоболовский С.С. (Москва)

Шувалов В.Е. (Москва)

Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

Алексеев А.И. (Москва), Бакланов П.Я.
(Владивосток), Вишневский А.Г. (Моск-
ва), Лентц С. (Германия), Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург), Касимов Н.С. (Москва),
Колосов В.А. (Москва), Лаппо Г.М. (Моск-
ва), Мироненко Н.С. (Москва), Пирожник
И.И. (Беларусь), Сэлноу Дж. (Великобри-
тания), Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

Белозеров В.С. (Ставрополь), Бильчак
В.С. (Калининград), Вардомский Л.Б.
(Москва), Воробьева О.Д. (Москва), Ко-
валев Ю.П. (Смоленск), Кочуров Б.И.
(Москва), Мажар Л.Ю. (Смоленск), Регент
Т.М. (Москва), Родионова И.А. (Москва),
Рудский В.В. (Смоленск), Смирнягин Л.В.
(Москва), Ткаченко А.А. (Тверь), Шары-
гин М.Д. (Пермь), М. Фрюауф (Германия)

Ученый секретарь:

Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 25.08.08 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times»
Тираж 500 экз.

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: unm@shu.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в мае 2002 года

Выходит 6 раз в год

№ 4 (19), 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	3
Веденин Ю.А. Пути развития культурного ландшафта как объекта наследия	3
Vedenin Yu.A. Ways of development of a cultural landscape as object of a heritage	3
Грачёв А.Б. Социально-экономический потенциал муниципальных образований и методика его определения	11
Grachyov A.B. Social and economic potential of municipal formations and technique of its definition	11
Худяев И.А. Эволюция систем расселения от регулярности к сингулярности.....	15
Hudiaev I.A. Evolution of systems of moving: from the regularity to singularity	15
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	26
Атаев З.А. Моделирование энергетического пространства Смоленской области.....	26
Ataev Z.A. Modelling of electric-power space for Smolensk region	26
Добромysłова В.Ю. Влияние Японии на развитие регионов Дальнего Востока	32
Dobromyslova V.Yu Influence of Japan on development of regions of the Far East	32
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	39
Кузина И.М. Макрорегиональные особенности современного развития мирового сельского хозяйства	39
Kuzina I.M. Macroregional features of modern development of a world agriculture	39
Костенков А.В. Территориальные споры с вовлечением Японии: опыт историко-географического изучения.....	48
Kostenkov A.V. Territorial disputes with involving Japan: the experience of geographical and historical analyses	48
Сиротин О.А. Проблемы трансформации и развитие городов в Восточной Германии после «поворота»	60
Sirotin O.A. Problems of transformation and development of towns in East-Germany after «turning»	60
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	65
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	66

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю.А. Веденин
(г. Москва)

ПУТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КАК ОБЪЕКТА НАСЛЕДИЯ

Vedenin Yu.A.

WAYS OF DEVELOPMENT OF A CULTURAL LANDSCAPE AS OBJECT OF A HERITAGE

The author considers various aspects of cultural landscapes development and a management problem of this process. The special attention is given to interaction bodies of heritage protection with local self-government institutions and local community.

Формирование института особо охраняемых территорий, цель которого – сохранение и эффективное использование ценных в историко-культурном и природном отношении ландшафтов, зависит от целого ряда факторов. Некоторые из этих факторов имеют явно выраженную национальную и региональную специфику; другие отражают более общие закономерности и могут рассматриваться как фундаментальные, характеризующие сущность культурного ландшафта. Анализ и учёт этих факторов является необходимым условием эффективного управления культурными ландшафтами – объектами наследия.

Несколько слов об **основных дефинициях**, определяющих предмет нашего обсуждения.

Культурный ландшафт рассматривается нами как сложный территориальный комплекс, являющийся структурным элементом культурного пространства. Его формирование – это результат взаимодействия человека и природы (Convention..., 1972). В качестве компонентов культурного ландшафта выступают: естественная и преобразованная человеком природа, материальные и нематериальные творения человеческой деятельности, в том числе и разнообразные технологии – социальные, хозяйственные и культурные, а также образы ландшафта и его отдельных фрагментов, сформировавшиеся в научной, художественной, религиозной и обыденной среде.

Культурный ландшафт может быть признан объектом наследия, если он обладает существенной историко-культурной научной и художественной ценностью. **Культурный ландшафт – объект наследия**, определяется как созданная и сохранённая нашими предшественниками система материальных и нематериальных ценностей, универсальная значимость которых не только признана современным обществом, но и рассматривается им как необходимое условие для жизни будущих поколений (Культурный ландшафт как объект наследия, 2004).

Процесс формирования культурного ландшафта – объекта наследия имеет различную продолжительность – от длительного цикла освоения и обустройства местности определёнными этносами или группами этносов, профессиональными и этноконфессиональными группами (в конечном счёте определяющего своеобразие ландшафта, а впоследствии и осознание его ценности как объекта наследия) до относительно быстрого (в масштабе исторического времени) включения ландшафта, уже как объекта наследия, в мировое или национальное культурное пространство, что может быть обусловлено прежде всего, связями этого ландшафта с жизнью и творчеством отдельных выдающихся личностей или с исторически значимыми событиями.

Предлагается различать три направления развития культурного ландшафта.

Первое направление характеризуется поступательным ходом развития ландшафта в соответствии с инновационными процессами, характерными для той или иной цивилизации. Такой ход развития присущ большинству урбанизированных культурных ландшафтов Европы и Северной Америки. Эти ландшафты постоянно преобразуются и поэтому редко рассматриваются в качестве объектов наследия. Впрочем, это не исключает того, что на их территории сохраняются отдельные памятники истории и ансамбли, которые позволяют не только понять, но и показать ход исторических процессов; в дальнейшем это может стать основанием для отнесения таких ландшафтов к наследию.

Второе направление – это стагнация культурного ландшафта, когда его ценность как объекта наследия либо не получает необходимого признания и ландшафт остаётся неизвестным обществу, либо не сопровождается конкретными действиями по его охране, поддержанию и исторической рекультивации. В результате возникает реальная угроза его деградации и «умирания».

Третье направление связано с интенсивным использованием культурного ландшафта как социально-экономического или социокультурного ресурса. Это предполагает освоение и развитие историко-культурного природного ландшафта в целях туризма, паломничества, науки, просвещения и образования.

Процесс развития культурного ландшафта как объекта наследия носит стадийный характер. Следует заметить, что большинство культурных ландшафтов не проходит полный цикл развития, так как для перехода от одной стадии к другой необходимы определённые предпосылки. Имеются в виду уровень социально-экономического и социокультурного развития страны, общества, географическое положение каждого конкретного ландшафта, прежде всего, по отношению к крупным городам или районам с высокой степенью урбанизации, тип ландшафта, который может быть городским, сельским или природным.

Первая стадия может быть определена как этап формирования культурного ландшафта. При этом имеется в виду не только материально-физическое освоение местности или формирование антропогенного ландшафта. Это может быть художественная или духовная деятельность, не отражающаяся на внешнем облике ландшафта; более того, естественный,

казалось бы, не затронутый человеком ландшафт может сохранить свой первозданный облик. **Вторая стадия** связана с осознанием историко-культурной ценности ландшафта и с отнесением его к категории культурного наследия; имеется в виду как формальное, так и неформальное признание этого статуса. **Третья стадия** характеризуется заметным ростом публичной привлекательности культурного ландшафта, превращением его в объект туризма или паломничества, включением его в туристско-экскурсионные просветительские и образовательные программы, создание на его базе научного полигона. **Четвёртая стадия** – это переход к эффективной системе управления, ориентирующейся на достижение разумного баланса между сохранением ландшафта как объекта наследия и его использованием.

Каждая из стадий характеризуется определённым **уровнем выраженности**, который определяется с помощью некоторого набора показателей.

Очевидно, что **первая стадия** может быть описана через систему показателей, отражающих уровень и характер взаимодействия ландшафта с человеком. В качестве примера можно назвать степень «преобразованности» ландшафта, его урбанизированности и сохранности материальных носителей исторической памяти, наличие информации о происшедших на территории ландшафта событиях, местных традициях.

Уровень выраженности **второй стадии** развития определяется на основе оценки масштаба его общественного признания как объекта наследия. При этом учитывается число научных монографий и статей, включение ландшафта в государственный список (реестр) объектов наследия, охраняемых государством, частота упоминаний объекта в краеведческой и культурологической литературе и т.д. Наибольшей степенью признания является включение объекта в Список всемирного наследия или его описание в получивших мировое признание научных монографиях. Уровень выраженности второй стадии развития оценивается также через численность известных научной общественности памятников, расположенных на территории ландшафта и объёмы финансирования, выделяемого для их изучения и реставрации.

Уровень выраженности **третьей стадии** зависит от степени привлекательности ландшафта или входящих в него элементов и определяется

через популярность ландшафта как объекта туризма или паломничества, а также как полигона, на котором реализуются научные, образовательные и просветительские программы. Эта характеристика может быть измерена: через частоту упоминаний ландшафта в путеводителях, тиражи презентационных изданий, в том числе и видовых альбомов, многообразие видеоматериалов телевизионных программ, рассказывающих о туристском, просветительском, образовательном и научном потенциале ландшафта и т.д. Отдельной строкой может быть отражена развитость инфраструктуры

Четвёртая стадия оценивается через количественные и качественные характеристики эффективности системы управления культурными ландшафтами, в том числе, её возможность регулировать взаимодействие между охраной и использованием ландшафта как объекта наследия, создавать комфортные условия жизни для местного и приезжего населения в традиционной историко-культурной и природной среде. При определении выраженности четвёртой стадии необходимо учитывать наличие законодательных и нормативных актов, регулирующих процессы функционирования и сохранения и развития ландшафта как объекта наследия, а также существование специализированных органов управления, обеспечивающих их точное выполнение.

Процесс перехода от одной стадии к другой весьма разнообразен. В ряде случаев стадии могут частично или полностью перекрывать друг друга во времени; в иных случаях, переход от одной стадии к другой может занимать значительное время. Так, например, стадии формирования культурного ландшафта и осознания его как объекта наследия чаще всего не совпадают во времени; временной разрыв между этими стадиями может продолжаться в течение целых исторических эпох, занимающих сотни, а то и тысячи лет. При этом формирование культурного ландшафта на **первой стадии** его развития может включать не только созидательные процессы, связанные с конструктивной деятельностью человека, но и длительные этапы забвения и даже деградации. Это особенно хорошо заметно на примере археологических и реликтовых крестьянских ландшафтов. Археологические ландшафты предстают перед людьми после, казалось бы, их полного исчезновения с «лица» Земли, поскольку покрывающий их слой почвы, магмы, песка, осадочных пород, долго и тщательно скрывал их от

взоров людей. В отличие от археологических ландшафтов, реликтовые крестьянские ландшафты всегда были доступны людям, но они долгое время воспринимались как самые обычные и весьма распространённые местности. Поэтому их деградация чаще всего не рассматривалась обществом как утрата чего-то ценного и значительного. И только тогда, когда общество осознало, что мир, страна или народ может потерять существенную для них ценность – материальную или нематериальную, важное свидетельство своей истории, такого рода ландшафты стали восприниматься как объекты наследия. Так, например, интерес общества к русской усадьбе как историко-культурной ценности возник только в начале XX века, когда начался процесс её деградации, превращение её в дачные посёлки и промышленные комплексы. К сожалению, часто осознание этой утраты наступает слишком поздно, и тогда наследие остаётся жить в памяти народа только как некое виртуальное явление, как своеобразная Атлантида.

С другой стороны, нередко возникает иная ситуация, художник жизнью своей или творчеством связанный с тем или иным ландшафтом, довольно быстро получает общенациональное или мировое признание. В качестве примера можно привести Льва Толстого или Шолохова. В этом случае временной интервал между первой и второй стадией развития ландшафта может быть весьма незначительным.

Характерным признаком перехода второй стадии является формирование информационного слоя ландшафта; в него входят самые разнообразные знания и мифы о данной местности, о расположенных на его территории памятниках, о живших там народах и отдельных людях, их культуре и искусстве, среде обитания (Веденин, 2003). Эти сведения могут быть взяты из фольклора и народной мифологии, из научных исследований и искусства, из средств массовой информации и официальных документов.

Одновременно с осознанием ценности культурного ландшафта как объекта наследия усиливается внимание государства и общества к охране и реставрации расположенных на его территории памятников истории и культуры. Заметно увеличивается объём работ по реставрации памятников, по воссозданию утраченных объектов наследия. Поскольку в роли объекта наследия выступает ландшафт, то это предполагает необходимость разработки комплексной территориальной

программы по сохранению и использованию объектов культурного и природного наследия; в основе этой программы лежит переход от консервации и реставрации отдельных памятников к исторической рекультивации самого культурного ландшафта.

Однако отнюдь не все ландшафты, ценность которых, казалось бы, осознана обществом, становятся объектом конструктивного внимания со стороны государства и бизнеса. Некоторые из них продолжают находиться в забвении и в них происходят процессы деградации. Более того, возникает реальная угроза их полного исчезновения. Таким образом, они могут повторить судьбу многих других культурных ландшафтов, потерянных уже очень давно, когда общество ещё не осознало их ценность как объектов наследия.

Главная особенность **третьей стадии** заключается в осознании туристской, просветительской, познавательной, научной и сакральной ценности ландшафта. Особое внимание придаётся формированию туристской инфраструктуры, превращению культурного ландшафта и расположенных на его территории памятников в привлекательный туристский объект.

Вместе с тем повышенная привлекательность ландшафта ведёт к усилению спроса на недвижимость, на земельные и природные ресурсы и, соответственно, к их удорожанию. Большие инвестиции вкладываются в новое строительство как личных особняков, так и многочисленных гостиниц, ресторанов, спортивных и развлекательных учреждений. При этом строительство ведётся не только на свободных от исторической застройки территориях, но и на территории памятников и в их зонах охраны. Всё это приводит к разрушению историко-архитектурной и природной среды, к девальвации ландшафта как подлинного объекта историко-культурного наследия (Культурное наследие России и туризм, 2005).

Возможно, однако, предупредить негативный ход развития и как можно быстрее перейти к **четвёртой стадии**. Для этого необходимо построить эффективную систему управления, которая бы обеспечивала существование необходимого баланса между сохранностью ландшафта как объекта наследия и его эффективным использованием. Важным шагом в этом направлении было бы объявление данного ландшафта музеем-заповедником или национальным парком, принятие необходимых регламентов, которые бы позволили ограничить

застройку территории или ведение хозяйственной деятельности, противоречащей требованиям охраны ландшафта. Следует заметить, что нередко переход к четвёртой стадии происходит минуя третью стадию. Уже на уровне осознания историко-культурной или природной ценности ландшафта формируется эффективная система управления, создаётся управленческая структура, вводятся определённые регламенты. Это наиболее часто встречается при охране природных или культурно-природных ландшафтов, когда организуются природные заповедники или национальные парки.

Полный цикл развития культурного ландшафта как объекта наследия может быть показан на примере Озёрного края в Англии (G.C. Cooper, 2007).

История формирования этого ландшафта насчитывает многие столетия. Сочетание удивительных по своей красоте природных пейзажей, выразительного рельефа, множества озёр, лесов и горных лугов издавна привлекало к себе людей. Поэтому, естественно, что здесь сформировалась довольно густая сеть расселения. Жители расположенных в этом районе небольших городков и деревушек занимались овцеводством, разнообразными промыслами, торговлей (**первая стадия**). Однако известность Озёрному краю принесло творчество замечательных английских поэтов второй половине XVIII–начале XIX веков, связавших с ним свою судьбу У. Вордсворта, С. Т. Колриджа и Р. Саути. Их поэзия, посвящённая Озёрному краю, впервые выделила эти места как уникальные в природном и историко-культурном отношении ландшафты (**вторая стадия**). Сам факт того, что эти известные поэты связали свою судьбу с Озёрным краем, сделали эти места значимыми для многих просвещённых людей Англии. Это же в конечном счёте предопределило туристскую привлекательность этих мест (**третья стадия**). Среди представителей высшего английского общества стало модным совершать путешествие в Озёрный край. Во второй половине XIX века многие богатые люди стали покупать здесь земельные участки и строить на них виллы и коттеджи. Число новых строений быстро возрастало. Возникла реальная угроза потери этого уникального культурного ландшафта. Спасение пришло неожиданно. В начале XX века, Беатрикс Поттер, известная английская писательница, осознавая ценность этого ландшафта и имевшая средства, начала скупать участки земли, старые фермы и постепенно

стала одним из крупнейших землевладельцев в Озёрном крае. Одновременно начал свою активную деятельность и Национальный траст, который уже в 1902 году приобрёл здесь землю. В дальнейшем Беатрикс Поттер завещала все свои земли Национальному трасту. Благодаря их деятельности удалось предотвратить опасность застройки открытых пространств и обеспечить надёжную охрану ландшафта. В 1952 году на этих территориях был организован Национальный парк «Лейк-дистрикт» (**четвёртая стадия**). Совместными усилиями Национального траста, национального парка, других организаций, заинтересованных в сохранении этого уникального уголка Англии, удалось принять необходимые для этого законодательные и нормативные акты, сформировать туристскую инфраструктуру, отрегулировать туристские потоки, а также создать комфортные условия жизни для местного населения.

Управление процессами развития культурного ландшафта как объекта наследия. Необходимо иметь в виду, что большинство культурных ландшафтов не относится к объектам наследия. В процессе своего развития они постоянно меняются и впитывают в себя все инновации, характерные для той или иной цивилизации. Их формирование связано с научными и техническими достижениями, с изменениями в социальной и культурной жизни людей, с постоянно меняющимися потребностями местного населения и возможностями их удовлетворения, со стремлением людей жить в комфортных условиях. И, напротив, превращение культурного ландшафта в объект наследия обычно обусловлено теми или иными отклонениями от поступательного хода развития ландшафта. Это может быть связано с природными катастрофами (как например, в случае с Помпеями), с удалённостью и труднодоступностью некоторых поселений и прилегающих к ним территорий, когда люди не могут в полной мере воспользоваться благами цивилизации (это характерно для многих мест Русского Севера и Сибири), а иногда и со стремлением людей сохранить традиционные виды деятельности и ценности, воспрепятствовать внедрению инноваций. Последнее положение может быть проиллюстрировано на примере территорий, заселённых старообрядцами, другими небольшими этноконфессиональными группами, стремящимися сократить до минимума свои связи с современными цивилизационными процессами.

Целенаправленное управление культурным ландшафтом как объектом наследия должно начинаться уже со **второй стадии развития**, т. е. на стадии осознания его историко-культурной или природной ценности. Выделение специальных грантов на исследование историко-культурной ценности культурных ландшафтов, издание по этой теме специальных статей и монографий, разработка паспортов, включение их в национальный реестр объектов культурного наследия и другие действия, направленные на изучение и охрану ландшафта как аутентичного и целостного объекта – всё это является частью системы управления. Важным этапом на пути познания ландшафта становится изучение устойчивости входящих в него компонентов и элементов, разработка мониторинга и исследование механизма действия разнообразных факторов, воздействующих на состояние ландшафта и определяющих его ценность как объекта наследия.

Управление ландшафтом на **третьей стадии развития** ландшафта имеет особое значение во многом определяет его дальнейшее существование как объекта наследия. Очевидно, что как сами ландшафты, так и их отдельные элементы различаются по своей выразительности, внешнему облику и поэтому совершенно естественно, что публика проявляет к ним разный интерес. Например, многие археологические ландшафты малопривлекательны для большинства туристов и в то же время представляют особый интерес для научного сообщества. Ландшафты исторических городов с расположенными на их территории ансамблями и памятниками, видовыми точками, откуда раскрываются выразительные городские пейзажи, в отличие от археологических ландшафтов, весьма привлекательны в туристском отношении. Конечно, популярность ландшафта среди широкой публики во многом зависит и от целенаправленной политики государства общества, от известности людей, связанных с этим ландшафтом и, конечно, от писателей и художников отразивших его в своих книгах и живописных полотнах. Как известно, многие города или сельские поселения стали известными широкой публике благодаря творчеству замечательных художников (например, Плёт И. Левитана) или великих писателей (Мценск И. Тургенева и Н. Лескова). Не менее важную роль в создании «имиджа» ландшафта играют журналисты, представители средств массовых коммуникаций.

Публичная привлекательность несёт в себе как позитивные, так и негативные аспекты. Поэтому роль управления на **четвёртой стадии развития** – это сведение к минимуму действия отрицательных и повышение значимости позитивных факторов. К отрицательным факторам следует отнести следующие: чрезмерное развитие туризма, когда туристские потоки превышают реальную ёмкость ландшафта, некачественную реставрацию, когда вместо реставрации происходит реконструкция и модернизация архитектурных памятников, стремление пользователей памятников привести их как можно быстрее в наиболее привлекательный с точки зрения массового туризма вид, причём весьма часто при отсутствии необходимых для этого натурных и архивных исследований¹. Среди положительных – повышенное внимание общества к состоянию ландшафта и расположенных на его территории памятников истории и культуры, выделение необходимых для научной реставрации финансов, разработка документации, которая смогла бы обеспечить эффективную охрану ландшафта как объекта наследия.

В случае ослабления управления усиливается роль негативных факторов, связанных с чрезмерным развитием туризма, других видов деятельности, отрицательно влияющих на выраженность таких фундаментальных свойств ландшафта, как аутентичность и целостность (Operational Guidelines... 1999). Это можно увидеть на самых разнообразных территориях, в том числе и таких, где, казалось бы, всё предусмотрено для гармонизации отношений между охраной и использованием наследия. Примером может служить территория Соловецкого архипелага – место расположения музея-заповедника и монастыря. Здесь мы сталкиваемся с двумя возможными сценариями развития. Первый сценарий связан с развитием разнообразных форм культурно-познавательного и других видов туризма, что предполагает формирование специализированной инфраструктуры, строительство новых гостиниц и ресторанов, обеспечение транспортных услуг, формирование разнообразных приютов и гостевых домов на удалённых от центра территориях. Большие массы туристов, приезжающие на Соловки, нужно будет чем-нибудь занять. Поэтому понятно, почему руководству музея ставит вопрос об организации на островах самых

разнообразных форм досуга, в том числе фестивалей и концертов современной музыки, аттракционов. С другой стороны, и сам монастырь может начать развитие своей инфраструктуры, которая также будет противоречить задаче сохранения культурного ландшафта как объекта наследия. Ведь основная цель деятельности монастыря – это не сохранение наследия, а активное использование расположенных здесь сооружений для реализации весьма разнообразных функций, связанных не только с духовной жизнью, но и с множеством видов хозяйственной деятельности, необходимых для удовлетворения потребностей монахов, послушников, трутников, паломников, а также т.н. религиозных туристов. При этом важно учитывать, что потоки паломников и религиозных туристов могут достичь значительных размеров. А это также потребует расширения сети гостиниц и пунктов питания, строительства новых культовых зданий, благоустройства территории и т.д. Таким образом, результаты деятельности и светских организаций, занимающихся туризмом, и монастыря могут быть вполне сопоставимы по своему негативному воздействию на состояние наследия.

Одним из наиболее характерных признаков, свидетельствующих о реализации негативного сценария развития – это активное освоение территории культурного ландшафта для нового строительства. Желание разнообразных фирм, предприятий и отдельных граждан построиться в привлекательном и престижном месте, какковым в настоящее время являются многие историко-культурные территории, объясняется в настоящее время тем, что это выгодное вложение денег и заметное повышение своего статуса. Об этом свидетельствуют те тенденции, которые мы можем сегодня наблюдать в Подмоскovie, под Санкт-Петербургом, в Суздале и других городах Золотого кольца и т.д.

Основная задача, которая должна быть поставлена перед управлением культурным ландшафтом как объектом наследия при переходе на четвёртую стадию – это формирование реального механизма, который определил бы позитивный ход развития ландшафта.

При выборе системы управления культурными ландшафтами – объектами наследия – необходимо учитывать её многообразие и многоаспектность. Существуют два крайних под-

¹ Это, кстати, справедливо и для других сфер деятельности, в частности, для религиозных организаций, что особенно заметно проявляется при восстановлении культовых памятников – церквей, монастырей, мечетей и т.д.

хода к управлению культурными ландшафтами – объектами наследия. Определим их как командно-административный и рыночный подходы при выборе формы управления. При командно-административной форме предполагается, что имеется один центр и все входящие в эту систему подразделения точно выполняют заданные команды. Для Советского Союза эта форма управления долгое время была единственной. В настоящее время этот подход применяется при управлении государственными природными заповедниками. В мировой практике примером подобного рода может служить федеральная сеть американских национальных парков или государственных природных резерватов Европы. При этой форме управления нередко игнорируются интересы местного населения и, прежде всего, ограничивается его участие в природопользовании и хозяйственной деятельности, входящее в противоречие с требованиями охраны наследия. Могут быть введены запреты на некоторые виды деятельности местного населения, связанные с новым строительством, реконструкцией уже существующих жилищ, благоустройством территории исторического поселения. История нашей страны свидетельствует о более крайних мерах. Так, например, при организации природных заповедников в Советском Союзе нередко ставился вопрос о выселении местного населения с занимаемых ими территорий.

Мировой опыт функционирования и развития ценных в историко-культурном отношении культурных ландшафтов свидетельствует о том, что для них наиболее всего приемлемо самоуправление в сочетании с рыночными отношениями, поскольку эта форма позволяет не только привлечь к управлению ландшафтом местное население, но и делает его основным субъектом управления. В России эта форма управления оказалась фактически не востребованной. Отдельные попытки сформировать органы реального самоуправления на охраняемых территориях не получили реальной поддержки со стороны общества и государства (П.М. Шульгин, Г.В. Миллер, 1988). Традиционное для России управление на уровне низшей территориально-административной единицы – волости, фактически прекратило своё существование уже в первые годы советской власти (Только недавно в сельских поселениях Архангельской области, других регионах России, начала формироваться система сельских ТОСов (территориальных органов самоуправ-

ления). Среди них есть и исторические поселения, например, село Кимжа Мезеньского района. В этом селе ТОС участвует в развитии туризма, решает актуальные социальные вопросы, привлекает внимание муниципальных властей к состоянию жилого фонда, работает вместе с областными и федеральными органами охраны памятников над реставрацией церкви, организует музей села.

Следует, однако, заметить, что передача полной власти органам самоуправления и переход на рыночные отношения при отстранении от управления наследием специализированных в этой сфере деятельности ведомств, может привести к отрицательным результатам и войти в противоречие с охраной наследия. Очень часто местные администрации решают свои социально-экономические задачи не просто за счёт памятников истории и культуры, а приносят их в жертву ради решения своих сиюминутных задач. При этом корректируются ранее разработанные зоны охраны, что связано, прежде всего, с расширением зоны регулируемой застройки и сокращением территории памятника и охранной зоны; меняются градостроительные регламенты, которые становятся менее жёсткими и, в частности, разрешают проведение новой застройки и т. д. Таким примером может служить ситуация, которая сложилась вокруг подмосковных усадеб Архангельское, Поречье, Дунино, Валуево и ряда других. Земля в границах территории памятников, другие земли, ценные в природном и историко-культурном отношении, стали в настоящее время очень выгодным товаром. Большое значение при этом имеет их известность и популярность, а также то, что территории памятников или зоны охраны долгое время оставались вне поля активного нового строительства.

Очевидно, что наиболее совершенная система управления культурными ландшафтами должна быть построена на сочетании множества разных уровней и форм управления. Особенно актуально решение проблемы взаимодействия органов охраны наследия с местными органами самоуправления и местным сообществом, это должно стимулировать участие общественности и бизнеса в управлении наследием и историко-культурным наследием и, вместе с тем, позволяет сохранить ответственность государства за судьбу наследия. В этом отношении чрезвычайно интересен опыт Англии. Конечно, следует иметь в виду то, что этот опыт хотя и

полезен, но в то же время чрезвычайно труден для внедрения в российскую практику. Это связано с различиями в истории развития обеих стран. Англия уже очень давно развивается в условиях демократии. Необходимость включать в процесс управления все слои общества, принимать решение после долгой дискуссии и публично обсуждения является для Англии традиционным условием для любой из сфер деятельности, так или иначе связанных с охраной наследия. Следует особо остановиться на деятельности Национального траста, деятельность которого направлена на вовлечение частных инвестиций в охрану и использование наследия. В России процесс управления наследием в значительной степени был и остаётся в руках государства. Фактически всё недвижимое наследие (в том числе, земля, водные объекты, леса, другие территориальные ресурсы) находится в государственной или муниципальной собственности. Участие общества в основном ограничивается общественным контролем за состоянием объектов наследия. В настоящее время начинается процесс приватизации памятников и земли. Отсутствие необходимой законодательной базы, культуры владения и использования объектов наследия, традиций и свободного капитала у частного бизнеса, умения обращения с памятниками и наличие множества людей, стремящихся сделать бизнес на памятниках, отрица-

тельно сказывается на состоянии культурного ландшафта и расположенных на его территории памятников истории и культуры. И, тем не менее, очевидно, что другого пути нет. В ближайшее время большая часть земель историко-культурного назначения, памятников должны будут перейти в собственность отдельных граждан или стать корпоративной собственностью. Таким образом, роль управления на этом переходном периоде должна быть определяющей. Особое значение имеет создание адекватной законодательной и нормативной базы. Основным инструментом, при помощи которого будет осуществляться долгосрочное и среднесрочное планирование развитием культурного ландшафта в условиях России являются территориальные комплексные программы сохранения, использования и развития историко-культурных территорий, генеральных планов и других проектных и программных документов, направленных на регулирование процессов, затрагивающих судьбы наследия и проживающих на этих территориях людей. Для реализации всех этих документов должны быть созданы специализированные дирекции или межведомственные советы, принимающие на основании консенсуса решения, которые затем становятся законом для всех юридических и физических лиц, обитающих на данной территории или участвующих в сохранении и использовании культурного ландшафта как объекта наследия.

Библиографический список

1. Веденин Ю.А. Информационные основы изучения и формирования культурного ландшафта как объекта наследия // Известия АН. Серия географическая. – 2003. – № 3. – С. 7–11.
2. Веденин Ю.А., Шульгин П.М., Штеле О.Е. Культурное наследие России и туризм. – М.: Институт наследия, 2006. – 172 с.
3. Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; Спб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
4. Шульгин П.М., Миллер Г.В. «Историческая волость?» // ЭКО. – 1988. – № 3. – С. 114–118.
5. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. – UNESCO, 1972.
6. Cooper G.C. Beatrix Potter's Lake District. – Penguin Group, 2007.
7. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention/ UNESCO/ WHC-99/2. 1999 (February). – 38 p.

А.Б. Грачёв
(г. Брянск)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ И МЕТОДИКА ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Grachyov A.B.

SOCIAL AND ECONOMIC POTENTIAL OF MUNICIPAL FORMATIONS AND TECHNIQUE OF ITS DEFINITION

In the article questions of formation system of municipal formation in Bryansk area are considered and social and economic criteria of their typology are offered.

Местное самоуправление в его современном виде существует в Брянской области сравнительно недавно. Первые шаги в формировании структуры местного самоуправления были сделаны после принятия в 1993 г. Конституции Российской Федерации и Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (1995 г.). За истекший период создана, в основном, правовая база местного самоуправления, установлены территории муниципальных образований и сформированы органы местного самоуправления.

В развитии местного самоуправления Брянской области можно выделить три этапа: становление местного самоуправления, укрупнение муниципальных образований и разукрупнение муниципальных образований.

Первый этап – становление местного самоуправления. В декабре 1996 года в Брянской области были проведены выборы представительных органов местного самоуправления. В результате на территории Брянской области было образовано 486 муниципальных образований.

Второй этап – укрупнение муниципальных образований. В результате укрупнения муниципальных образований (1998–1999 годы) были упразднены сельские, поселковые и большинство городских муниципальных образований. Муниципальные образования остались в 27 районах Брянской области и четырёх городах областного подчинения – Брянске, Клинцах, Новозыбкове и Сельце. К концу второго этапа, на начало 2003 года, в Брянской области насчитывалось 31 муниципальное образование.

Третий этап – разукрупнение муниципальных образований. Начиная с 2003 года, ранее

упразднённые муниципальные образования начали восстанавливаться в своих правах. Так, 10 февраля 2003 г. выходят законы Брянской области № 11 и № 12 «О признании утратившем силу Закона Брянской области «Об упразднении муниципального образования...» города Фокино и посёлка Климово.

К концу 2005 года на территории Брянской области осуществляло местное самоуправление 41 муниципальное образование. Среди них 27 районных муниципальных образований; 7 городских муниципальных образований (Брянское, Клинцовское, Мглинское, Новозыбковское, Сельцовское, Стародубское, Фокинское); 2 поселковых муниципальных образования (Климовское и Любохонское) и 5 сельских муниципальных образований (Березинское, Верховское, Слободищенское – Дятьковский район, а также Беловодское и Шумаровское – Мглинский район). Структура организации местного самоуправления на территории Брянской области в конце 2005 года представлена на схеме 1.

Кроме того, на территории области работали 33 городских и 421 сельская администрация, которые были структурными подразделениями районных администраций.

В соответствии с требованиями Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года и Закона Брянской области «О наделении муниципальных образований статусом городского округа, муниципального района, городского поселения, сельского поселения и установлении границ муниципальных образований в Брянской области» от 9 марта 2005 года № 3-з, в Брянской области были установлены границы

Схема 1. Изменение структуры местного самоуправления на территории Брянской области

муниципальных образований, а также статус муниципальных образований. В октябре 2005 года в Брянской области повсеместно были проведены выборы представительных органов местного самоуправления.

Входящие ранее в состав администраций районов городские, поселковые и сельские администрации были упразднены, а с 1 января 2006 года в Брянской области действует новая структура местного самоуправления. По новой структуре местного самоуправления в состав её входят 289 муниципальных образований в том числе: 27 – муниципальных районов, 7 – городских округов, 30 – городских поселений и 225 – сельских поселений. Из 289 муниципальных образований – 249 вновь образованные, все они самостоятельны как в работе, так и по финансированию. Структура организации местного самоуправления на территории Брянской области с 2006 года представлена на схеме 1.

Муниципальные образования Брянской области неоднородны по своим функциональным и другим признакам. Процесс дальнейшего развития муниципальных образований предполагает, наиболее полное использование всех видов ресурсов, природных или созданных человеком, так называемых «ресурсных потенциалов», которыми наделено пространство его территории. Как правило, потенциал рассматривается как совокупность всех возможностей, средств, запасов, источников, которые имеются в наличии и могут быть мобилизованы, использованы для достижения определённой цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи.

Определение потенциала муниципального образования может способствовать выявлению рациональных путей и перспектив развития, имеет важное практическое значение для согласования отраслевых и территориальных интересов в рыночных условиях.

Под потенциалом муниципального образования следует понимать совокупность возможностей природного и социального характера, определяющих развитие или ограничивающих его развитие, приводящих к стагнации муниципального образования.

Потенциал развития муниципального образования можно рассматривать как целостную систему потенциалов различного вида. Её целостность определяется взаимозависимостью природных и социально-экономических связей и зависимостей, объединяющих все ресурсы муниципального образования в территориальном разрезе.

Общий потенциал развития муниципального образования складывается из ряда частных потенциалов, которые можно объединить между собой в пять укрупнённых блоков: природно-ресурсный потенциал, экономический потенциал, потенциал качества жизни, потенциала системы расселения и рекреационный потенциал.

Все частные потенциалы находятся во взаимодействии между собой. Определение совокупного потенциала муниципальных образований Брянской области позволит наметить наиболее эффективные пути их дальнейшего развития.

Для определения потенциала развития муниципального образования предложен алго-

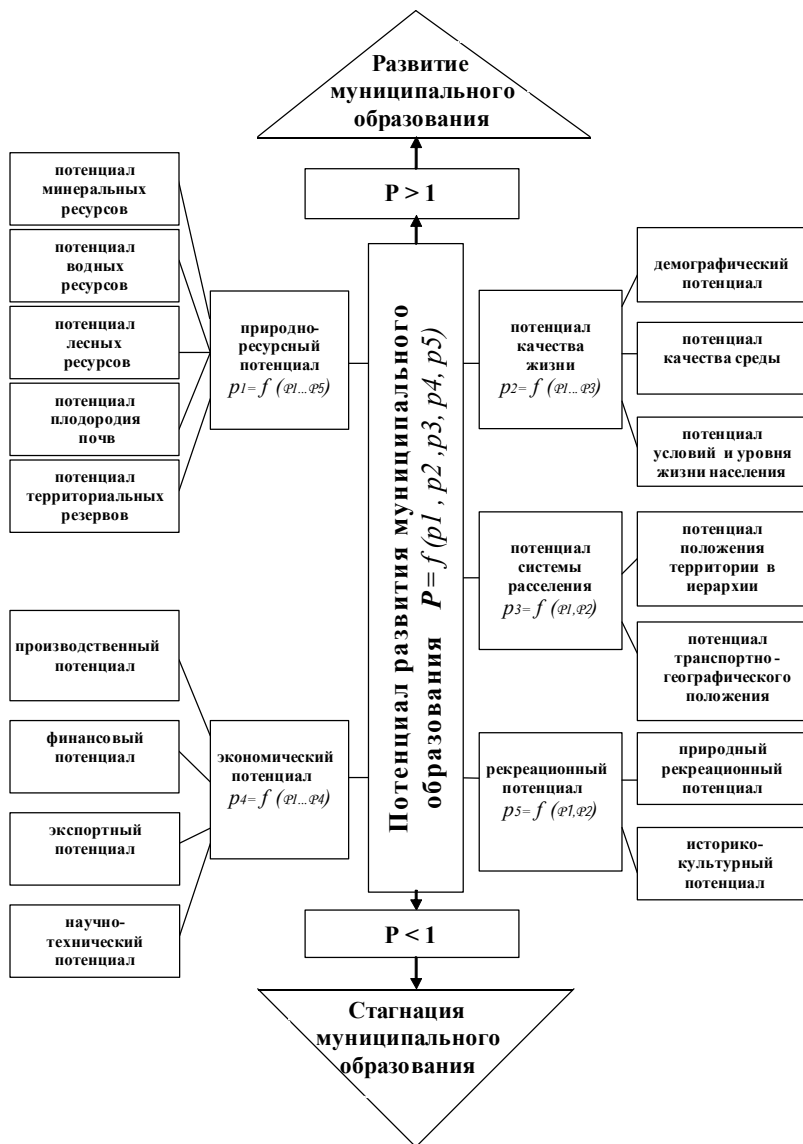

Схема 2. Определение потенциала развития муниципального образования

ритм определения потенциала развития территории, который представлен на схеме 2.

Общий потенциал развития муниципально-го образования P складывается из ряда частных потенциалов p , которые объединены между собой в пять укрупнённых блоков p_1 – природно-ресурсный потенциал, p_2 – экономический потенциал, p_3 – потенциал качества жизни, p_4 – потенциал системы расселения и p_5 – рекреационный потенциал.

Совокупный потенциал развития муниципального образования можно определить

путём проведения анализа его составляющих – частных потенциалов. В общем виде уровень потенциала муниципального образования может быть выражен следующей функциональной зависимостью:

$$P = f(p_1, p_2, p_3, p_4, p_5)$$

где P – общий потенциал территории, p – укрупненные потенциалы (блоков), входящие в систему потенциалов.

Укрупнённые потенциалы (блока) могут быть выражены следующей функциональной зависимостью:

$$p = f(P_1, \dots, P_n)$$

где p – укрупнённый потенциал (блока), P – отдельные потенциалы, n – число составляющих укрупнённого блока.

Для характеристики экономического потенциала взят следующий набор показателей: объём промышленной продукции, объём инвестиций в основной капитал, размер дотаций из областного бюджета. Они рассчитываются на душу населения и в виде отношения среднедушевого показателя муниципального образования к среднедушевому показателю области (при сравнении в масштабах области), если показатель потенциала:

- $2 > P > 1$, в этом случае для определения укрупнённого потенциала (блока) в сводную таблицу вносим знак +;

- $P > 2$, в этом случае для определения укрупнённого потенциала (блока) в сводную таблицу вносим знак ++;

- $0,5 < P < 1$, в этом случае для определения укрупнённого потенциала (блока) в сводную таблицу вносим знак -;

- $P < 0,5$, в этом случае для определения укрупнённого потенциала (блока) в сводную таблицу вносим знак --.

Аналогичным способом рассчитывались частные и суммарный индексы потенциала качества жизни, частными потенциалами которого являются потенциалы условий и уровня жизни, потенциал качества среды, демографический потенциал.

Под экономическим потенциалом муниципального образования следует понимать эффективность функционирования его экономического механизма. В качестве составляющих блока экономического потенциала здесь выступают производственный, финансовый, экспортный и научно-технический потенциалы. Потенциал обладает динамичностью и способен меняться как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, поэтому при определении экономического потенциала муниципального образования необходима характеристика экономической активности и хода экономических реформ.

Потенциал качества среды можно оценить через показатели экологического состояния окружающей среды и уровня развития социальной инфраструктуры выбросов загрязняющих веществ в атмосферу; сброса загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты; капитальных вложений в непромышленную сферу; числа больничных коек, обеспе-

ченность населения врачами; численности учащихся общеобразовательных школ, занимающихся во вторую смену. Они рассчитываются на одного жителя, а также в виде отношения к средним показателям по Брянской области.

В качестве показателей демографического потенциала взяты показатели естественного и механического прироста населения, численность населения моложе трудоспособного возраста.

Потенциал условий жизни определяется через численность безработных, число зарегистрированных преступлений, число больных с впервые установленным диагнозом.

Потенциал уровня жизни муниципального образования характеризуется объёмом розничного товарооборота, объёмом платных услуг, собственными доходами (данные показатели берутся на душу населения), среднемесячной заработной платой работников, средним размером вклада физических лиц в учреждения банка и общей площадью жилья на одного человека.

Природно-ресурсный, рекреационный потенциал, потенциал системы расселения трудно количественно оценить из-за их качественного характера и различия составляющих. С этой целью к ним применяется метод балльного ранжирования: чем выше ранг классификации, тем больший ему присваивается балл. Величина отдельных потенциалов складывается из суммы баллов частных ресурсов. Чем она больше, тем выше уровень потенциала.

Так, природно-ресурсный потенциал можно оценить по запасам минеральных ресурсов, водных ресурсов (подземных и поверхностных вод), использованию свежей воды на хозяйственные и питьевые нужды, лесных ресурсов, ресурсов территориальных резервов, по плодородию почв, прилегающих сельскохозяйственных районов.

Рекреационный потенциал муниципального образования характеризуется объёмом лечебно-оздоровительных и историко-культурных ресурсов.

Величина потенциала расселения муниципального образования складывается из суммы баллов положения относительно крупного города – центра и системы расселения, иерархии в областной системе расселения, транспортно-географического положения.

Полученные значения потенциала по каждому виду относятся к «высокому», «среднему» и «низкому» уровням потенциала. Они выступают в качестве критериев типологии

муниципальных образований по потенциалу развития в социально-экономической системе региона. Аналогичным способом можно рассчитать потенциал любого региона в социально-экономической системе федерального округа и России. При определении потенциала муниципального образования в социально-экономической системе федерального округа показатели рассчитываются в виде отношения среднедушевого показателя муниципального образования к среднедушевому показателю округа, а при определении потенциала муни-

ципального образования в социально-экономической системе страны показатели рассчитываются в виде отношения среднедушевого показателя муниципального образования к среднедушевому показателю России.

Предложенная типология может быть использована для нужд прогнозирования и управления социально-экономическими процессами, происходящими в муниципальных образованиях и городах Смоленской области, а также для обоснования экономического механизма их возрождения.

И.А. Худяев
(г. Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ ОТ РЕГУЛЯРНОСТИ К СИНГУЛЯРНОСТИ

Hudiaev I.A.

EVOLUTION OF SYSTEMS OF MOVING: FROM THE REGULARITY TO SINGULARITY

In the article the change of types of moving systems is illustrated during evolutionary transformations since the most ancient times up to now. With the help of mathematical model submission of moving systems at different stages of evolution to laws of the central places theory is proved, and also the interrelation of systems types with urban saturation is shown.

Поиск закономерностей в пространственном размещении поселений, ставший ключевой темой исследований классиков англо-американской географии, часто сводится к анализу сложившегося рисунка расселения в различных регионах мира. Однако создание полноценной модели расселения невозможно без попытки его эволюционного анализа.

В расселении человека по земной поверхности можно выделить несколько этапов. На заре истории человечества его территориальное распространение безусловно подчинялось общебиологическим законам, в то же время «... для человека характерна особенно широкая зона физиологических изменений, в границах которой сохраняется оптимальная в данных условиях жизнедеятельность организма» [12, с. 554]. Это позволило человеку выделиться среди других биологических видов и широко расселиться по поверхности планеты, однако «природная среда ставила предел росту

численности первобытных людей, основу жизни которых составляли в ту эпоху лишь охота, рыболовство и собирательство» [3, с. 15]. Естественная плотность населения на заселенных территориях составляла порядка 10 человек на 100 кв. км. При этом в распределении людей не могло быть иных, кроме *естественно-биологических*, закономерностей «Люди жили небольшими родоплеменными группами, численность каждой из которых измерялась... лишь десятками человек» [11, с. 6]. В местностях, обладавших наиболее благоприятными условиями, число обитавших племен было выше, в местностях с наименее благоприятными условиями сходило на нет. Так продолжалось на протяжении многих тысячелетий, общее число людей на планете возрастало, но крайне медленно, по мере расширения ойкумены. Лишь с началом неолита картина поменялась: в тех ареалах, где человеку удалось успешно осуществить окультуривание

растений и одомашнивание животных, создались условия для значительного роста численности населения. С этого периода – девять-десять тысяч лет назад – начался новый этап в расселении людей, в котором определяющими стали не столько естественные, сколько **социальные** закономерности

Возможности получения добавочного продукта вели не только к росту численности населения, но коренным образом меняли структуру социума. Если в первобытном обществе каждому представителю рода приходилось овладевать одними и теми же навыками (различия наблюдались лишь по половому либо возрастному признакам), то в **раннесоциальных** обществах появляется разделение труда. Земледельцы и воины, ремесленники и жрецы – каждый из них специализировался в своем деле, имея возможность достигать наилучших результатов, выигрывая от чего получало всё общество.

Главным же следствием таких перемен являлась необходимость обмена результатами труда между членами сообщества, что потребовало определенных изменений в характере расселения. Если прежде расселение носило очаговый характер, то теперь начало приобретать регулярную структуру с установлением контактных связей между отдельными поселениями. Само возникновение постоянных поселений по-прежнему было обусловлено прежде всего, природными условиями, однако дальнейшее их развитие зависело теперь не только от богатств окружающих земель, но и от местоположения среди прочих населенных мест. Развивается специализация в функциях поселений, некоторые из них приобретают особую привлекательность для населения соседних местностей в качестве центров. Отчетливое обособление **центральных мест**, формирование иерархии в системах расселения становится закономерным явлением.

Уже давно было замечено, насколько одинаковы расстояния между древними центрами округов (номов) в дельте Нила (в среднем 21 миль) и между древними городами Месопотамии (в среднем около 20 миль). «По-видимому, была какая-то причина, определявшая расстояние между городами. Не были ли такой причиной пределы района, из которого свозилось в центр на хранение зерно – основная форма концентрации капитала в ту эпоху? Запасы продовольствия можно было стягивать в один центр с площади радиусом до 10 миль; за пределами этого расстояния

стоимость перевозки настолько возрастала, что становилось выгоднее иметь другой, более близкий центр» [22, с. 3–4].

Так, в процессе цивилизационного развития человечества происходило не только значительное увеличение численности населения, но и коренные изменения в его распределении в пределах области расселения. Природные факторы остались важнейшими для аграрного расселения. В то же время совершенно новым элементом стали города и другие значительные населенные пункты, жители которых уже не были непосредственно связаны с сельскохозяйственным производством, а оказывали огромное организующее влияние на сельское окружение, как это показано И. Тюненом в его классическом труде «Изолированное государство» [16]. Рост благосостояния повлиял на то, что постепенно в представлениях людей произошла смена приоритетов: плодородие почв перестало быть важнейшим мерилом богатства и могущества. Вообще богатства природы стали расцениваться лишь как инструмент, с помощью которого можно достичь некоего истинного богатства, то есть возможности удовлетворять любые свои потребности, из которых физиологические начинают составлять лишь незначительную часть. В целом зональные признаки в расселении уступили главенствующую роль азональным.

Таким образом, в эволюции расселения можно выделить несколько этапов (типов):

1. **Естественный** тип расселения – когда человек или группа людей все необходимое для своей жизни производят или добывают самостоятельно. Уровень потребностей невысокий, поскольку основные усилия направляются на элементарное поддержание существования, в стремлении к созданию лучших условий в будущем. Выбор местообитания определяется сочетанием природных условий, встречи с представителями других групп носят эпизодический или случайный характер. Таковым можно считать все первобытное расселение человека, а также пионерное освоение новых земель на разных этапах цивилизационного развития.

2. **Классический** тип расселения – подразумевает формирование регулярной сети поселений (в случае кочевых племен – строго определенных территорий и маршрутов, по которым проходят кочевья), с обеспечением устойчивых коммуникаций между ними. Разнообразные потребности жителей различных поселений удовлетворяются в значительной

мере путем обмена. Размещение и распространение поселений в наибольшей мере продолжает зависеть от природных условий и подчинено зональному принципу, как это убедительно было показано В. П. Семеновым-Тянь-Шанским на примере Европейской России [15]. В то же время, в группах поселений начинают возникать устойчивые системные взаимосвязи, формируются иерархические уровни. Классическому типу соответствует сельское расселение в различных его проявлениях (будьто дисперсное или крупноселенное) с формированием опорной сети городских населенных пунктов, выполняющих организующую и обслуживающую роль для окружающих местностей. На верхних уровнях иерархии при классическом расселении отчетливо отслеживаются все основные черты, присущие системам, характеризуемым теорией центральных мест. Тугексагональность в размещении центров, которая была отмечена в XX веке В. Кристаллером и другими исследователями, можно считать следствием наложения начинающейся сингулярности в расселенческих процессах на устоявшуюся ткань классического расселения.

3. *Сингулярный* тип расселения¹ – следующий этап, при котором в формировании и росте поселений ведущими оказываются азональные признаки. Соответствует ускоренному росту городов, вообще процессу урбанизации. Многократный рост потребностей человека приводит к переориентации занятий большинства населения от сельскохозяйственной деятельности сперва к индустриальной, а затем к сервисной. Результатом этого, в конечном счете, становится концентрация населения в немногих центрах и зонах, в которых достигается резкое повышение экономических показателей, за счет чего и обеспечивается функционально-разнообразие, способное удовлетворять потребности современного человека. В начальный период, при сингулярном типе расселения, наиболее отчетливо проявляются все специфические особенности размещения населения, отвечающие теории центральных мест. Однако по мере роста уровня урбанизации, чрезмерная концентрация населения в городах, свойственная агломерациям (урбанизированным зонам и мегалополисам),

вкуче с совершенствованием транспортных коммуникаций ведут к нарушению внешних проявлений систем центральных мест, но не снимают основных закономерностей протекающих из теории. Вполне вероятно, что такие изменения свидетельствуют о выходе расселенческих процессов на следующий, пост-сингулярный, этап в расселении.

Смена типов (этапов) объясняется внутренним содержанием расселенческих процессов, проявление которых, однако, выражается во внешних признаках, определяющих структуру расселения: при естественном расселении – природных, при классическом – зональных с вкраплением азональных, при сингулярном – преимущественно азональных (социальных). В то же время изменение потребностей человека, проявляющееся в смене классического типа расселения на сингулярный, в различной мере сказывается на влиянии фактора зональности на микроуровне (ослабевание зависимости от природных условий, приоритет близости центров) и на макроуровне (сдвиг населения на юг, вообще в благоприятные природные условия). То есть если при классическом типе преобладало стремление к максимально возможному равномерному расселению людей в пределах территорий, занимаемых данным сообществом, то при сингулярном типе равномерное расселение становится невозможным.

Именно поэтому многими исследователями отмечалась неправомерность использования модели В. Кристаллера в реальности. Так, приверженец марксистско-методологической концепции Б.Н. Семевский считал, что «высшая степень формализации у Кристаллера придает всем его рассуждениям абстрактный, оторванный от реальной жизни характер» [14, с. 131], а представитель англо-американской школы пространственного анализа Б.Дж. Гарнер писал: «Одно из самых распространенных возражений, выдвигаемых против правильной решетки и гексагональной сети, заключается в том, что такая модель слишком абстрактна и догматична. Это, безусловно, верно в том смысле, что правильный шестиугольник является такой же чистой абстракцией, как и понятие «свободная конкуренция», которым пользуются экономисты» [5, с. 36].

¹ Насколько известно автору, термин «сингулярность», позаимствованный из работ Стивена Хокинга (в частности, [17]) и означающий бесконечно большую концентрацию в бесконечно малом объеме, используется в географии расселения впервые. Не претендуя на новизну, применением данного определения автор лишь делает попытку обозначить основные черты, характерные для описываемого типа расселения.

Однако, по прошествии многих лет становится очевидно, что разработка математической модели смены типов расселения и поиск математического аппарата для целей их прогнозирования, за которые так ратовали авторы культовой работы А.А. Минц и В.С. Преображенский [10], невозможны без вмешательства теории центральных мест как самой стройной теории в современной социальной географии.

Поскольку всеми последователями В. Кристаллера отмечается возможность существования модификаций систем центральных мест с $K=3$, $K=4$ и $K=7$, отвечающих различным принципам оптимизации расселения, вполне возможно предположить, что в конкретной системе расселения один принцип может сменяться другим. В этом случае в системе начнут происходить изменения структуры уровней иерархии (например, для превращения системы с $K=3$ в систему с $K=4$ у каждого центрального места более высокого уровня число подчиненных центральных мест следующего уровня возрастает с двух до трех), которые потребуют значительного времени. Данный факт позволяет говорить о том, что системы центральных мест обладают свойством полиморфизма, то есть могут менять свою структуру в процессе пространственной эволюции.

Попытка проследить динамику развития систем расселения на протяжении достаточно длительного времени, оценить меру их устойчивости в рамках теории центральных мест, привела В.А. Шупера к выводу о связи той или иной модификации систем центральных мест с уровнем урбанизации¹. Согласно его гипотезе, при высоких уровнях урбанизации, вследствие незначительности доли сельского населения, утрачивает значение необходимость строгого разграничения зон влияния центральных мест. Структура систем задается соотношением расстояний для центральных мест смежных уровней иерархии [19]. Это делает возможным существование модификации кристаллеровской иерархии $K=7$, а также переходных иерархий $K=5$ и $K=6$, не укладывающихся в рамки гексагональной решетки, однако расстояния в которых остаются кратными квадратному корню из K .

Автор данной работы, в свою очередь, ранее выдвигал встречную гипотезу существо-

вания систем центральных мест с $K=1$, когда для окружающего сельского населения имеется единственное центральное место, а также с $K=2$ в случае равнозначного сосуществования двух центральных мест. Тогда вся картина развития систем расселения в рамках теории центральных мест принимает законченную целостность в последовательном прохождении цикла от $K=1$ до $K=7$ по мере роста доли городского населения [18].

Так, например, наличие полицентричности в Киевской Руси можно отнести к периоду сосуществования локальных прасистем центральных мест, каждое из которых фактически отвечало модификации $K=1$. Однако Киевская Русь, подобно другим раннефеодальным государствам, была очень непрочным, «лоскутным» объединением. Это привело к ее распаду в середине XII в. на удельные княжества. На территории Центра Европейской части России в его нынешних границах в разное время находились Чернигово-Северская, Полоцко-Смоленская, Муромо-Рязанская, Владимиро-Суздальская земли. К 30-м гг. XIII в. (перед татаро-монгольским нашествием) на территории этих земель находилось около 50 городов (24 из них – во Владимиро-Суздальской земле, в том числе Тверь, Ярославль, Кострома, Москва). «Двойное название – Ростово-Суздальская земля, Владимиро-Суздальская земля – утвердилось оттого, что первоначально здесь особую роль, как центра земли, играл Ростов, с конца XI в. – Суздаль, а с конца XII в. – Владимир» [8, с. 54]. Период образования удельных княжеств, когда крупное, как правило, делилось надвое, можно рассматривать как период с переходной модификацией систем центральных мест $K=2$, когда многие княжества имели два равнозначных центральных места. Прекрасную иллюстрацию последовательности таких переходов находим у В.О. Ключевского на примере Рязанских земель [9, с. 182].

По расчетам А.А. Важенина, при определенных значениях уровня урбанизации: для варианта с $K=3$ при $k=15\%$, $K=4$ при $k=50\%$, $K=5$ при $k=75\%$, $K=6$ при $k=90\%$ и $K=7$ при $k=100\%$, где k – уровень урбанизации, получаются одинаковые пропорции в размерах центральных мест различных уровней иерархии равные (соответственно I по IV) $1,0-0,33-0,1-0,03$ [4, с. 22].

¹ Следует сказать, что еще Э. фон Бовентер отмечал связь размера и конфигурации системы центральных мест с долей городского населения: «Соотношения в размере городов и пространственное расположение городов изменяются в зависимости от уровня урбанизации и отражают уровень экономического развития страны...» [2, с. 95].

Однако также отмечается, что при сопоставлении городов по численности населения неизбежно входят в соприкосновение два взгляда на их распределение – правило «ранг-размер» и теория центральных мест (примирением двух закономерностей как будет показано далее, является представление об эволюции расселения в соответствии с предсказаниями релятивистской теории центральных мест).

При этом А.А. Важенным сделан вывод о том, что системы расселения определенным образом стремятся поддерживать распределение «ранг-размер» при изменении уровня урбанизации, и при доле городского населения, близкой к 50%, соответствие правилу Зипфа наиболее точное. Вследствие этого можно объяснить первоначальное улучшение системами данного соответствия по мере роста доли городского населения, а затем ухудшение из-за растущего уровня урбанизации [4].

Попытка выяснить преимущества того или иного варианта размещения населения по центрам систем расселения возможна путем построения простой математической модели. Представим матрицу из девяти ячеек, распределенных три на три по ширине и высоте. Если ячейки рассматривать как девять населенных пунктов (центров) системы расселения, то для распределения населения в этих ячейках мы можем предложить сколь угодно много вариантов. Приняв допущение, что в пределах одной ячейки, как одного населенного пункта, все жители получают примерно равный доступ к удовлетворению своих потребностей, попытаемся выяснить, насколько высок уровень обеспечения центральными функциями всего населения в системе при том или ином варианте размещения жителей по ячейкам? Конечно, можно абсолютное большинство населения сконцентрировать в одной ячейке, и тогда все ее жители будут иметь максимально высокую возможность удовлетворения своих потребностей. А те немногие, кто окажется на периферии, в силу незначительной численности не смогут серьезно повлиять на общий результат. Но при таком построении ничего и не требуется доказывать. Нас будет интересовать сравнительно регулярное размещение населения по элементарным ячейкам (центрам). Возьмем три варианта: 1) абсолютно равное число жителей в каждой ячейке; 2) один наибольший центр и остальные восемь, разделенных по четыре на два уровня, уменьшающихся в равной пропорции; 3) распределе-

ние, отвечающее правилу «ранг-размер» (табл. 1, столбцы 2–4).

Для возможности получения сопоставимых показателей при рассмотрении различных случаев размещения населения необходимо задать определенные правила.

1. Понимая, что при прочих равных условиях число центральных функций находится в зависимости от величины центрального места, примем в нашей модели, что количество центральных функций прямо пропорционально численности размещаемого в ячейке населения.

2. Учитывая, что реальные перемещения в соседние центры сопряжены с определенными трудностями, затратами энергии и времени, можем установить, что в пределах своей ячейки жители любого центрального места должны удовлетворять не менее 75% доступных потребностей.

3. Условимся, что при перемещении в соседнюю ячейку можно засчитать одну четверть функций, которыми она располагает, а при перемещении на две ячейки – не более 5%.

4. Установим также, что перемещения по диагонали исключены.

Тогда, располагая в различных ячейках разное число жителей, по единообразной методике можно посчитать: каков же общий уровень обеспеченности центральными функциями для всего населения системы расселения?

Разместив по 20 условных жителей в каждой из 9 ячеек при равномерном варианте распределения (соответственно получим и по 20 условных центральных функций), полученную сумму 180 распределим по ячейкам в двух других случаях. Просчитав суммарные и средние показатели обеспечения центральными функциями всего населения для каждого случая, увидим, что из предложенных вариантов размещения населения наилучший результат дает распределение «ранг-размер» (столбцы 8–10, табл. 1).

Существенным при этом является величина главного центра системы: чем она выше, тем выше оказывается набор центральных функций. Внесем в рассматриваемую модель одно изменение – примем величину главного центра одинаковой для всех рассматриваемых случаев (столбцы 4–7 табл. 1). Тогда население несколько перераспределится, возрастет и уровень обеспеченности центральными функциями для первого и второго случаев, однако преимущество «ранг-размер» сохранится (столбцы 10–13 табл. 1). Если произвести сопоставление аналогичных

Простая математическая модель размещения населения
(матрица из девяти ячеек)

№№ ячеек	Принцип распределения населения по ячейкам						Условно расчетное число доступных центральных функций					
	равномерное	убывающее в две ступени кратно 2-м	"ранг-размер"	равномерное кроме главного центра	убывающее в две ступени кратно 2,9-ти	кристаллеровская иерархия K=3	равномерное	убывающее в две ступени кратно 2-м	"ранг-размер"	равномерное кроме главного центра	убывающее в две ступени кратно 2,9-ти	кристаллеровская иерархия K=3
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	20,000	45,000	63,627	63,627	63,627	63,627	20,000	45,000	63,627	63,627	63,627	63,627
2	20,000	22,500	31,814	14,547	21,695	26,090	20,000	28,125	39,767	26,817	32,178	35,474
3	20,000	22,500	21,209	14,547	21,695	26,090	20,000	28,125	31,814	26,817	32,178	35,474
4	20,000	22,500	15,907	14,547	21,695	10,699	20,000	28,125	27,837	26,817	32,178	23,931
5	20,000	22,500	12,725	14,547	21,695	10,699	20,000	28,125	25,451	26,817	32,178	23,931
6	20,000	11,250	10,605	14,547	7,398	10,699	20,000	15,188	15,377	17,001	13,069	16,424
7	20,000	11,250	9,090	14,547	7,398	10,699	20,000	15,188	14,241	17,001	13,069	16,424
8	20,000	11,250	7,953	14,547	7,398	10,699	20,000	15,188	15,509	17,001	13,069	16,424
9	20,000	11,250	7,070	14,547	7,398	10,699	20,000	15,188	14,847	17,001	13,069	16,424
Итого:	180,00	180,00	180,00	180,00	180,00	180,00	180,00	218,25	248,47	238,90	244,61	248,13
Среднее значение							20,00	24,25	27,61	26,54	27,18	27,57

Составлено по расчетам автора

показателей по матрице с 16-ю ячейками, то результат получится аналогичным и даже преимущество распределения «ранг-размер» еще упрочится (табл. 2.)

Можно задаться иными ограничениями при проведении такого рода расчетов – отличия в результатах не будут существенными. Таким образом, приложение к принципам распределения населения по населенным пунктам (центрам) несложных вычислений позволяет утверждать, что наилучшему обеспечению населения той или иной системы центральными функциями отвечает ранжированное распределение «ранг-размер». Наиболее близкими значениями обладает кристаллеровская иерархия систем центральных мест, что также весьма показательно.

В этой связи интерес вызывает поведение модели при изменении доли городского населения в системе. Продолжив задавать правила моделирования, необходимо отметить, что в реальных системах расселения рост урбанизации от начальных, незначительных показателей проходит на фоне существенно общего увеличения численности населения. Условимся что проверку соответствия значениям будем

выполнять: для случая $K = 2$ при 10% городского населения, $K = 3$ при 30% городского населения, $K = 4$ при 50% городского населения, $K = 5$ при 70% городского населения, $K = 6$ при 90% городского населения. Адекватность подобных соотношений была показана ранее. Сельское же население будем каждый раз считать равномерно распределенным по всей территории. Такое допущение не может существенно повлиять на характеристики модели: во-первых – при малой доле городского населения мы часто имеем дело с достаточно равномерным сельским расселением, во-вторых – при высоких долях городского населения, когда чаще всего наблюдается поляризация и сельского расселения, его влияние на характеристики равновесия системы существенно снижается.

Исходя из указанного ранее свойства полиморфизма, в рассматриваемом примере при невысокой доле городского населения, соответствующей $K = 2$, развитие средств транспорта еще может даже не выйти на стадию железных дорог. В этом случае расстояния свыше 150 км между крупными центрами служат препятствием для формирования единой системы цент-

Таблица 2

**Простая математическая модель размещения населения
(матрица из шестнадцати ячеек)**

№№ ячеек	Принцип распределения населения по ячейкам						Условно расчетное число доступных центральных функций					
	равномерное	убывающее в две ступеникратно 2-м	"ранг-размер"	равномерное кроме главного центра	убывающее в две ступеникратно 3,8-ми	кристаллеровская иерархия К=4	равномерное	убывающее в две ступеникратно 2-м	"ранг-размер"	равномерное кроме главного центра	убывающее в две ступеникратно 3,8-ми	кристаллеровская иерархия К=4
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	20,000	49,231	94,654	94,654	94,654	94,654	20,000	49,231	94,654	94,654	94,654	94,654
2	20,000	24,615	47,327	15,023	24,779	31,958	20,000	25,846	49,693	19,005	28,273	35,093
3	20,000	24,615	31,551	15,023	24,779	31,958	20,000	30,769	47,327	34,931	42,248	47,632
4	20,000	24,615	23,664	15,023	24,779	31,958	20,000	30,769	41,412	34,931	42,248	47,632
5	20,000	24,615	18,931	15,023	24,779	10,789	20,000	25,846	23,664	19,005	28,273	19,216
6	20,000	24,615	15,776	15,023	24,779	10,789	20,000	25,846	22,875	19,005	28,273	19,216
7	20,000	24,615	13,522	15,023	24,779	10,789	20,000	30,769	33,805	34,931	42,248	31,755
8	20,000	24,615	11,832	15,023	24,779	10,789	20,000	24,615	20,706	15,023	24,779	16,081
9	20,000	12,308	10,517	15,023	6,487	10,789	20,000	16,616	17,353	19,005	14,554	19,216
10	20,000	12,308	9,465	15,023	6,487	10,789	20,000	16,616	18,142	19,005	14,554	19,216
11	20,000	12,308	8,605	15,023	6,487	10,789	20,000	15,385	18,286	15,023	11,060	16,081
12	20,000	12,308	7,888	15,023	6,487	10,789	20,000	21,539	29,580	34,931	28,529	31,755
13	20,000	12,308	7,281	15,023	6,487	10,789	20,000	15,385	10,430	15,023	11,060	11,847
14	20,000	12,308	6,761	15,023	6,487	10,789	20,000	15,385	9,804	15,023	11,060	11,847
15	20,000	12,308	6,310	15,023	6,487	10,789	20,000	15,385	9,465	15,023	11,060	11,847
16	20,000	12,308	5,916	15,023	6,487	10,789	20,000	16,616	11,874	19,005	14,554	14,982
Итого:	320,00	320,00	320,00	320,00	320,00	320,00	320,00	376,61	459,07	423,52	447,42	448,07
Среднее значение							20,00	23,54	28,69	26,47	27,96	28,00

Составлено по расчетам автора

ральных мест, поскольку сообщение между ними требует нескольких суток пути. Так, «в трактате Мэнци (IV–III вв. до н.э.) утверждалось, что город должен был иметь округу радиус которой (около 12 км) устанавливается из расчета полуторачасового пути от города» [13, с. 74]. Семен Ремезов в «Служебной книге» указывает: «Ход... бывальцов на два дни 75 верст средняго ходу А буде имеется скорой ход конем и водою, и того положить на день 75 верст. А буде имеется самый тихой ход, и того ходу положена на день 15 верст» [6, с. 290]. Скорость регулярного почтового сообщения можно определить из Указа Екатерины II от 3 ноября 1770 года: «Почтарям от 1 декабря по 15 марта, также по просухе до 15 сентября везти курьеров по 12 верст в час, а просто проезжающих

по 10 верст в час; в прочее же время года (т. е. в худое) курьеров везти по 11 верст в час, а проезжающих по своей надобности по 8 верст в час...» [1, с. 49]. Г.А. Гольц отмечал, что «на протяжении всей истории развития человеческого общества максимальная временная доступность при спорадических передвижениях не превышала полмесяца, при непериодических – недели – 12 часов, при ежедневных, периодических – 2 часов» [7, с. 95]. Существенность расстояний в 150–200 км для формирования самостоятельных систем центральных мест отмечалась также ранее [4].

Таким образом, в заданных пространственных рамках при $K=2$ можно представить формирование, как минимум, двух систем центральных мест, одна из которых формируется

Таблица 3

Числовые параметры различных типов систем расселения

Система центральных мест	Численность населения, тыс. чел.	Доля городского населения	Тип системы	Число уровней иерархии	Число центральных мест в системе	Величина главного центра, тыс. чел.	Среднее расстояние между I и II уровнями, км	Сумма (R_t/R_{e_n}) ¹
Меньшая система	291	0.1	K = 2	3	4	11	85.5	1.943
Большая система	709	0.1	K = 2	4	8	22	145.5	2.998
Единая система	2000	0.3	K = 3	4	27	145	158.2	3.043
Единая система	4000	0.5	K = 4	4	64	360	150.0	3.000
Единая система	5300	0.7	K = 5	3	25	550	132.4	1.984
Единая система	6000	0.9	K = 6	3	36	530	135.5	2.015
Система с малой плотностью	800	0.5	K = 4	4	64	88	150.0	3.000

Составлено по расчетам автора

¹ Оптимальные значения показателя изостатического равновесия «Сумма (R_t/R_{e_n})» для систем центральных мест с тремя уровнями иерархии должны составлять 2.0, систем центральных мест с четырьмя уровнями иерархии – 3.0 [19].

вокруг центрального города с рангом 1, а другая – возле максимально удаленного центра (который в последующем получит ранг 2 в масштабах всей системы расселения). Параметры обеих систем отражены в таблице 3 и на рисунке 1, при этом каждая из них демонстрирует очень высокие показатели равновесия для K = 2.

В рассматриваемом ранее случае заданные параметры системы приняты в соответствии с идеальными соотношениями между уровнями иерархии при K = 4: среднее расстояние до каждого следующего уровня изменяется в соотношении 1.0-0.5-0.25 и т.д. Численность населения центров определена в соответствии с требованиями распределения «ранг-размер», модифицируемого в зависимости от доли городского населения в системе расселения. При этом расстояния между теми или иными центрами заданы с учетом зависимости от их размеров, принятых в соответствии с 50-процентной долей городского населения в системе. В нашем случае такое условное расстояние от крупней-

шего центра с рангом 1 до центра с рангом 2 составило 171 км, от центра 1 до центра 3 – 145.5 км, и от центра 1 до центра 4 – 133.5 км. Среднее расстояние между центром 1-го уровня иерархии и тремя (при K = 4) центрами 2-го уровня составило 150 км, соответственно от центров 2-го уровня до центров 3-го уровня – 75 км (от 66.75 км до 85.5 км), от центров 3-го уровня до центров 4-го уровня – 37.5 км (от 33.375 км до 42.75 км). Соответствующая данному случаю схема системы приведена на рисунке 1 под обозначением K = 4.

Необходимость назначения расстояний в физических единицах (а не простого их соотношения, что в принципе достаточно для модели) продиктовано потребностью установления граничных размеров для системы, сравнимых с размерами реальных систем расселения. В итоге получаем площадь нашей системы 78 950 кв. км, что соответствует порядковым значениям, предписываемым теорией центральных мест (т. е. территорий площадью в 104–105 кв. км) и

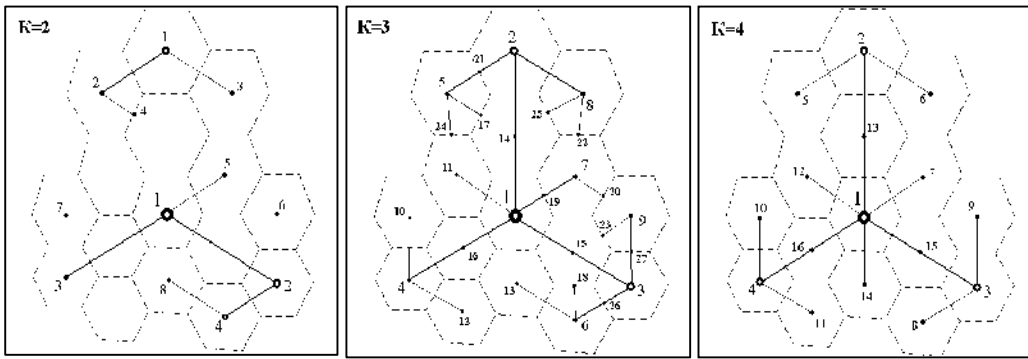

Рис. 3. Схемы моделируемых систем центральных мест для различных случаев K

сопоставимо с размерами многих европейских стран, для которых существование целевой системы расселения неоспоримо.

При доле городского населения, близкой к 30%, мы будем иметь дело с заметным ростом городов. Можно предположить, что основные центры к этому моменту окажутся связанными между собой железной дорогой и в принятых масштабах должна будет сформироваться единая система центральных мест с $K = 3$. Как видно из таблиц, параметры изостатического равновесия такой системы говорят о ее высокой устойчивости.

Учитывая, что общие размеры и конфигурация системы расселения в нашем примере были заданы как раз для случая $K = 4$, не удивительно, что все полученные характеристики такой системы при доле городского населения в 50% – идеальны.

Но и при дальнейшем росте уровня урбанизации до значения 70% не возникает никакого дисбаланса при переходе системы, отвечающей $K = 5$. Отклонения параметров от оптимальных показателей минимальны. То же самое мы наблюдаем при достижении доли городского населения 90% – параметры системы центральных мест с $K = 6$ вновь имеют очень высокие показатели изостатического равновесия. Экстраполируя можно представить как будет выглядеть и система с $K = 7$.

Таким образом, моделируя регулярность распределения населения в системах расселения в рамках гексагональной решетки, мы можем наблюдать плавный переход от систем с меньшим значением K к системам с более высоким значением K . При этом не возникает никаких серьезных отклонений показателей изостатического равновесия. Численность населе-

ния центров отвечает модифицированным значениям распределения «ранг-размер», в то же время в расстояниях между соответствующими уровнями иерархии соблюдаются требуемые пропорции.

Интересно также сопоставить порядок изменений в характеристиках расселения в предложенной выше модели со стадиями урбанизации Дж. Джиббса [21].

Из таблицы 4 видно, что в интервале между рассматриваемыми нами состояниями системы, отвечающими $K = 2$ и $K = 3$, городское и сельское население растет на равную величину. То есть на протяжении этого периода из стадии 1 (сельское население опережает в росте городского) система перешла в стадию 2 (городское население растет быстрее сельского). В интервале от $K = 3$ к $K = 4$ стадия 2 реализуется в полном объеме: рост городского населения ускоряется, а сельского – затухает. Между $K = 4$ и $K = 5$ городское население достигает пика своего роста, а сельское начинает сокращаться, что соответствует 3-й стадии. Детализация численности городского населения по населенным пунктам различной величины указывает, что при $K = 5$ число городских жителей в населенных пунктах, насчитывающих менее 10 тысяч, сокращается по сравнению с тем, что было при $K = 4$. Это значит, что к этому моменту система вступила уже в 4-ю стадию урбанизации (рост населения в больших городах и агломерациях при сокращении в малых). Наконец, при достижении $K = 6$ мы наблюдаем абсолютное сокращение численности населения главного города, что соответствует 5-й стадии урбанизации (сокращение населения в центральных городах при возобновившемся росте в малых). Действительно, численность населения в городах с менее

Таблица 4

Сопоставление типов систем расселения с уровнем урбанизации

Условные характеристики системы	Доля городского населения	Общая численность населения (тыс. чел)	в том числе:		Численность населения в городах (тыс. чел)			
			городское	сельское	до 10 тыс. жителей	10-100 тыс. жителей	свыше 100 тыс. жителей	в т.ч. в крупнейшем центре
K = 2	10%	1 000	100	900	67	33	0	22
K = 3	30%	2 000	600	1 400	240	215	145	145
K = 4	50%	4 000	2 000	2 000	595	789	616	360
K = 5	70%	5 300	3 710	1 590	492	1 970	1 248	550
K = 6	90%	6 000	5 400	600	542	3 267	1 591	530

Составлено по расчетам автора

10 тысячами жителей при $K = 6$ в модели несколько увеличивается. Налицо все 5 стадий, которые, согласно Дж. Джиббсу, должна последовательно переживать система расселения по мере роста уровня урбанизации.

В рамках теории дифференциальной урбанизации Т. Контгули [20] на первую эпоху (урбанизация: U-I, затем U-II) приходится состояние системы, отвечающие $K = 1$ (быстрый рост (выделение) центра) и $K = 2$ (средний город начинает догонять центр, фактически выполняя все его функции), на вторую эпоху (поляризованная реверсия: PR-III, затем PR-IV) – $K = 3$, $K = 4$ (средние города выбиваются в лидеры, главные центры теряют привлекательность, а малые – ее наращивают) и $K = 5$, $K = 6$ (средние города сохраняют позиции лидеров при резком росте малых городов, а индекс роста главных центров становится отрицательным), на третью эпоху (контрурбанизация: CU-V, затем CU-VI) – $K = 7$ (выравнивание центров всех рангов). Следовательно, предложенный при реализации данной модели математический аппарат не противоречит эволюционным теориям урбанизации.

Важно отметить, что саморазвитие систем расселения происходит одновременно под влиянием нескольких разнородных сил. С одной стороны – взаимодействие в рамках локальной си-

стемы центральных мест, с другой стороны – в рамках всей системы расселения страны (в небольших государствах такие рамки совпадают, а иногда система центральных мест выходит за пределы государственных границ), с третьей – под влиянием международного сообщества (в рамках субконтинента или всего мира в целом). Чем значительнее по размерам тот или иной центр, тем большее влияние на его развитие начинают оказывать силы, определяемые масштабами страны, региона и далее – мирового сообщества. В современном постиндустриальном обществе зависимости в развитии систем расселения начинают выражаться в глобализации расселенческих процессов. Потребности социума ведут к потере внешней схожести систем с системами центральных мест, однако внутреннее содержание процессов, формирующих эти системы, остается тем же, каким оно было сформулировано в классических трудах по теории центральных мест. А тот факт, что выражение самоорганизации расселения в форме полиморфизма систем центральных мест находит в истории множество подтверждений, является поводом для признания параметра K своеобразным «мостиком» от уникальности к универсальности систем расселения самых разнообразных территорий.

Библиографический список

1. Автомобильные дороги и дорожники Вологодчины // Под ред. А.Н. Плеханова, Б.Ф. Мельникова, Н.Н. Рогозина. – Вологда: Изд. ВоГТУ, 2000.
2. Бовендер фон Э. Размеры городских систем: теоретические вопросы, эмпирические закономерности и руководство для планирования // Новые идеи в географии. Вып. 2. Городские системы и информатика. – М.: Прогресс, 1976.
3. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. – М.: Наука, 1986. – 830 с.

4. Важенин А.А. Эволюционные процессы в системах расселения. – Екатеринбург: Ин-т экономики УроРАН, 1997.
 5. Гарнер Б.Дж. Модели географии городов и размещения населенных пунктов // Модели в географии: Сб. статей под ред. Р. Дж. Чорли и П. Хаггета. – М.: Прогресс, 1971.
 6. Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской. – Магадан: Магаданское книжное изд., 1990. – 391 с.
 7. Гольц Г.А. Транспорт и расселение. – М.: Наука, 1981. – 248 с.
 8. Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. – М., 1973.
 9. Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872–1875 гг. – М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 1997.
 10. Минц А.А., Преображенский В.С. Функция места и ее изменение // Известия АН СССР. – Серия географическая. – 1970. – № 6.
 11. Народонаселение стран мира. Справочник // Под ред. Б.Ц. Урланиса, В.А. Борисова. – М.: Финансы и статистика, 1983.
 12. Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
 13. Перцик Е.Н. Города мира. География мировой урбанизации. – М.: Международные отношения, 1999.
 14. Семевский Б.Н. Теоретическая экономгеография. Под ред. Н.Т. Агафонова. – Л.: Наука, 1981.
 15. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Том X. Выпуск 2 и последний. – С.-Петербург, 1910.
 16. Тюнен И. Изолированное государство. – М.: Изд-во газеты «Экономическая жизнь», 1926.
 17. Хокинг С., Пенроуз Р. Природа пространства и времени. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000.
 18. Худяев И.А., Шупер В.А. Эволюционный подход к системам центральных мест: пример Прикубанья // Известия РАН. – Серия география. – 2004. – № 2.
 19. Шупер В.А. Самоорганизация городского расселения. – М.: РОУ, 1995.
 20. Geyer, H.S. and T. Kontuly. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // International Regional Science Review. 1993. 15. 3. P. 157–177.
 21. Gibbs J.P. The Evolution of Population Concentration // Economic Geography, 1963, vol. 39, N. 2, p. 85–99.
 22. Petrie W.M. Flinders. The arts and crafts of ancient Egypt. Edinburgh, 1923.
-

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

З.А. Атаев
(г. Рязань)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ataev Z.A.

MODELLING OF ELECTRIC-POWER SPACE FOR SMOLENSK REGION

The paper treats the structure of electric-power space for Smolensk Region. Proceeding from the morphological approach, the author examines the reliability of power supply and suggests a model variant of developing large-scale electric power networks.

С целью анализа надежности энергоснабжения потребителей в зоне обслуживания региональных энергосистем можно использовать морфологический подход изучения электрических сетей. Он основан на математической теории графов О. Оре [9].

Использование положений теории графов и их приложения к задачам управления режимами энергосистем рассмотрены в ряде работ [6–8; 11–12; 14]. Из этих работ заимствованы некоторые методы адаптации понятий теории графов применительно к энергетическому пространству (рис. 1): «вершина» (энергетический узел: подстанция – электростанция), «ребро» (транспортный перегон сети между энергоузлом и потребителем), «ветвь» или «дерево» (незамкнутая форма сети), «цикл» (замкнутый контур сети). Важно отметить, что только замкнутый сетевой цикл может обеспечить двухсторонний или «реверсионный» переток объема и мощности электрической энергии.

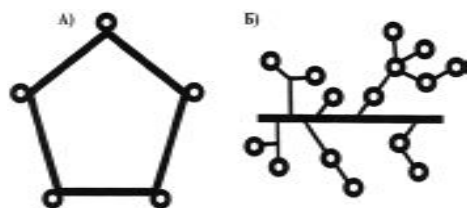
Для реализации морфологического подхода при изучении надежности энергосистем за основу анализа приняты классы ЛЭП: системообразующие, питающие, распределительные сети.

Системообразующие сети формируют пространственный каркас энергосистем высшего ранга и их связи между собой: страна, макрорайон, экономический район (напряжение ≥ 330 кВ, реже 220 кВ). Питающие сети формируют

рисунок регионального ранга пространства: республика, край, область (35 – 110 – 220 кВ). Распределительные сети — это основа формирования конфигурации локального энергетического пространства: административный район, часть района, сельский округ, село (муниципалитет), фермерское хозяйство и т. д. (0,4 – 6,0 – 10,0 кВ).

В Смоленской области системообразующая инфраструктура включает электрические сети и 3 подстанции сверхвысокого напряжения ≥ 330 кВ (табл. 1, рис. 2). За пределы региона выходят 6 ЛЭП транзитного значения: в Республику Беларусь – 2 ЛЭП–330 кВ и 1 ЛЭП–750 кВ; в ОЭС «Центр» – 2 ЛЭП–500 кВ и 1 ЛЭП–750 кВ. Питающие сети области состоят из сетей и 105 подстанций высокого напряжения (110–220 кВ) и еще 60 подстанций напряжением 35 кВ. За пределы региона выходят 10 ЛЭП 110–220 кВ (в ОЭС «Центр» и «Северо-Запад»).

С целью структурирования всего многообразия сетевых образований питающего класса Смоленской области использована предложенная С.А. Тарховым методика описания топологического строения сетей сухопутного транспорта и их морфологического расчленения на циклические ярусы [13. С. 47–53]. Методика адаптирована к специфике электронного вида транспорта и учитывает основные тенденции развития современной электроэнергетики – централизации и децентрализации.

Пунсон «вершина» сети представлена энергетическим узлом в составе: электростанция / подстанция. «Ребро» электрической сети, или транспортный перегон, представлено линией электрических передач между энергетическими узлами.

Рис. 1. Структурные элементы энергетического пространства:
А – цикл. Б – ветвь-дерево

Таблица 1

Электроэнергетика Смоленской области (2004 г.)

Станция	Потенциал генерации электрической энергии	
	*	Дополнительные сведения
1. Смоленская АЭС	3000	электростанция государственного концерна «Росатомэнерго», Десногорск, три энергоблока типа РБМК-1000 последовательно введены в эксплуатацию в 1982–1985–1990 гг.
2. Смоленская ГРЭС	630	Духовищинский район, пос. Озерный: в 1978 г введен в эксплуатацию первый энергоблок с расчетом на сжигание торфа Свитско-Жарковского месторождения; полная проектная мощность на ГРЭС была достигнута в 1981 г.; до 2010 г. планируется увеличить мощность электростанции до 900 МВт. В настоящее время в составе федеральной генерирующей компании № 4.
3. Смоленская ТЭЦ-2	275	1973 г., г. Смоленск, п. Маркатушино
4. Дорогобужская ТЭЦ	137	1957 г., Дорогобужский район, пос. Верхнеднепровский

4 станции мощностью 4042 МВт:
1 АЭС (3000 МВт), 1 ГРЭС (630 МВт) и 2 ТЭЦ (412 МВт)

Примечание. Знаком (*) – во второй колонке представлен показатель установленной мощности электростанции (МВт), ГРЭС – государственная районная электростанция (конденсационного типа), ТЭЦ – теплоэлектроцентраль, АЭС – атомная электростанция.

Класс электрических подстанций, ед.

Системообразующие подстанции			Питающие подстанции			Сумма
750 кВ	500 кВ	330 кВ	220 кВ	110 кВ	35 кВ	
1	–	2	6	99	60	168

Использованы фрагменты приложений 32 и 4 из [3. С. 262; 4. С. 9].

Первый топологический ярус электросети Смоленской области определен круговым обходом вдоль внешней периферии всех циклов региональной энергосистемы. Первый ярус формирует конфигурацию главного остова питающей сети, куда входят все циклы, имею-

щие хотя бы одну общую вершину или ребро с внешней границей главного остова.

Соответственно главный остов питающей сети и ее зона обслуживания является внешней границей региональной энергосистемы. Второй ярус также выделен путем обхода

**Морфология и метрика циклов питающей электрической сети
Смоленской области (35—110—220 кВ)**

Морфология и метрика циклических сетей	Число циклов	Кол-во циклов
Главный остов электросети:		
1-й топологический ярус	23	41
2-й топологический ярус	17	
Внеостовный петлевой цикл	1	

вкруговую, но уже вдоль внутренней границы первого яруса (табл. 2, рис. 3).

По числу топологических ярусов циклических сетей питающего класса Смоленская область относится к двухъярусному типу. В регионе полностью отсутствуют автономные компоненты питающей сети (не связанные друг с другом изолированные части питающей сети), что свидетельствует о высоком уровне вертикальной централизации региональной энергосистемы.

Главный остов сети питающего класса региональной энергосистемы контурирует зону сплошного освоения территории, а метрика

циклов по ярусам позволяет выделить зоны гарантированного энергообеспечения (сгущение циклов) так же, как и депрессивные ареалы с относительно низким уровнем надежности энергообеспечения (крупные и разреженные циклы).

Для оценки уровня надежности энергоснабжения потребителей использована методика выбора типа управляющей структуры региональной энергосистемы (рис. 4).

Геосетевой анализ рисунков 1–4 свидетельствует, что контрастность, мозаичность и полицентричность морфологии циклов питающей сети Смоленской области определяет

Рис. 2. Электроэнергетика Смоленской области

Электрические подстанции (ПС): 1 – 750 кВ; 2 – 330 кВ; 3 – 220 кВ; 4 – 35–110 кВ; 5 – питающие линии электрических передач воздушного исполнения: 35–110–220 кВ. Использовано приложение 11 из [3. С. 251]

Использован фрагмент прил. 16 и приложение 24 из [3. С. 243, 251].

Рис. 3. Топоморфологические части питающих электросетей Смоленской области

Зона циклических сетей: 1 – первый ярус; 2 – второй ярус; 3 – зона наличия только древовидных электрических сетей; 4 – питающие линии электрических передач (35–110–220 кВ)

невысокий уровень горизонтальной интеграции региональной энергосистем. Так для территорий вне зоны доминирования циклических сетей характерно развитие строго централизованного типа управляющей структуры энергосистемы с очень низкой надежностью снабжения потребителей, что наблюдается на 1/3 площади области.

С внутренней стороны первого топологического яруса (50–60% площади региона) доминирует централизованный тип управления энергосистемы с низкой надежностью снабжения.

Следовательно, с точки зрения надежности функционирования электросети питающего класса, почти 4/5 площади Смоленской области можно признать проблемной в случае возникновения системной аварии в региональной энергосистеме. В связи с этим периферийные, приграничные и глубинные части региона представляют собой зоны, наиболее подверженные обострению энергетических проблем. Особенно это заметно на стыках между административными районами в пределах одной области и на границе с сопредельными областями.

Именно такие зоны перспективны для развития разномасштабных энергосистем именно в таких зонах инверсия энергетического пространства наиболее негативно проявляется на уровне локалитета, расширяя зоны социально-экономической депрессии. Б.Б. Родоман считает такую инверсию широко распространенной и характерной для всего культурного ландшафта России. Наиболее ярко черты пространственной инверсии проявляются тогда, когда вертикальная зависимость периферии от центра гипертрофирована, а горизонтальные связи «равных с равными» почти полностью редуцированы [10. С. 83].

Автор считает, что для предотвращения дальнейшего обострения ситуации необходимо жесткую вертикаль территориальной организации централизованной системы дополнять горизонтальной интеграцией локальных энергосистем (рис. 5).

На основе пространственного моделирования может быть решена задача повышения каркасной надежности электросети за счет роста сложности морфологического типа управляющей структуры. В случае реализации модельной

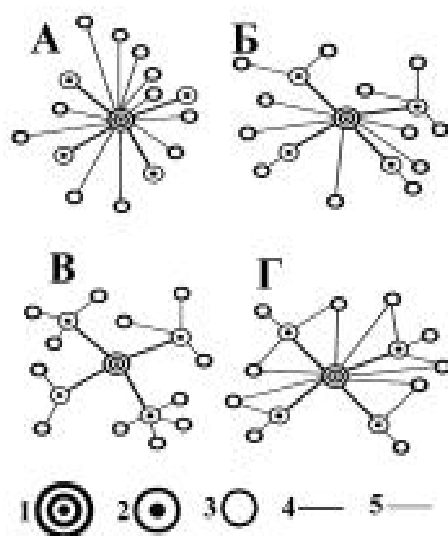

Рис. 4. Графы, отражающие типы и свойства управляющей структуры энергетической системы (по В.М. Чебану, А.К. Ландману)

Условные обозначения:

1–3 – энергетические узлы разной мощности и назначения (электрическая станция-подстанция); 4–5 – электрические сети разного класса и назначения.

А – строго централизованный тип. Очень низкая потребность в автоматизированных каналах передачи информации. Очень низкие технологические возможности для поэтапного ввода разных сегментов энергосистемы в эксплуатацию в случае аварий или иных сбоев. **Очень высокая уязвимость энергосистемы** и соответственно потребителей в зоне обслуживания в случае аварий.

Б – централизованный тип. Низкая потребность в автоматизированных каналах передачи информации. Средние технологические возможности для поэтапного ввода сегментов энергосистемы в эксплуатацию в случае аварий и сбоев. **Высокая уязвимость энергосистемы** и потребителей в случае аварий и сбоев.

В – иерархический тип. Очень высокая потребность в автоматизированных каналах передачи информации. Низкие технологические возможности для поэтапного ввода сегментов энергосистемы в эксплуатацию в случае аварий и сбоев. **Низкая уязвимость энергосистемы** и потребителей в случае аварий и сбоев.

Г – смешанный тип. Низкая потребность в автоматизированных каналах передачи информации. Очень высокие технологические возможности для поэтапного ввода сегментов системы в эксплуатацию в случае аварий и сбоев. **Очень низкая уязвимость энергосистемы** и потребителей в зоне обслуживания в случае аварий и сбоев.

Использованы данные и схема [14. С. 14].

конструкций в Смоленской области возрастает число топологических ярусов минимум от двух до трех. Тип строго централизованной системы управления энергосистемой на периферии замещается на смешанный тип, главный остов

почти достигает границ области, а каркас энергосистемы приобретает двухуровневое построение.

Основу первого уровня энергетического пространства составляют циклы централизованной питающей сети. Второй уровень – это множество территориально сочетающихся энергосистем (циклов) локального значения, ориентированных на энергоносители разной природы и имеющих связь с «Смоленскэнерго» посредством общей сети. На практике такое построение имеет следствием реализацию схем взаимодополняющей работы централизованных и локальных энергосистем (разномасштабная энергосистема). При неблагоприятных обстоятельствах локальная система может замыкать потребителей на местный сетевой цикл и собственный потенциал малой генерации энергии.

Эффект повышается в результате одновременного роста типового и морфологического разнообразия локальных энергосистем, что способствует росту надежности энергоснабжения в сетевых циклах разного класса, а конкретный выбор схемы взаимного дополнения разномасштабных энергосистем зависит от специфики содержания территории на местном уровне.

В многочисленных публикациях посвященных выбору типа малых электростанций в качестве генерирующей основы локальных систем особые надежды возлагаются на строительство малых газотурбинных теплоэлектроцентралей (ГТУ-ТЭЦ).

Однако для функционирования малых ГТУ-ТЭЦ отечественного производства требуется газопровод с внутренним давлением не менее 2,5 МПа. Поэтому развитие газотурбинных технологий возможно лишь в тех питающих сетевых циклах Смоленской области, по территории которых непосредственно проходят магистральные газопроводы. При отсутствии поблизости магистральных газопроводов или сложности получения разрешения на официальную врезку (что наиболее вероятно) остается вариант подключения газотурбинных ТЭЦ к газопроводам более низкого давления. В этом случае потребуются строительство специальной компрессорной станции для «дожима» давления газа, что значительно удорожает весь проект [5. С. 9]. Таким образом, развитие технологии ГТУ-ТЭЦ в области территориально ограничено (линейно-узловой тип развития локальных систем).

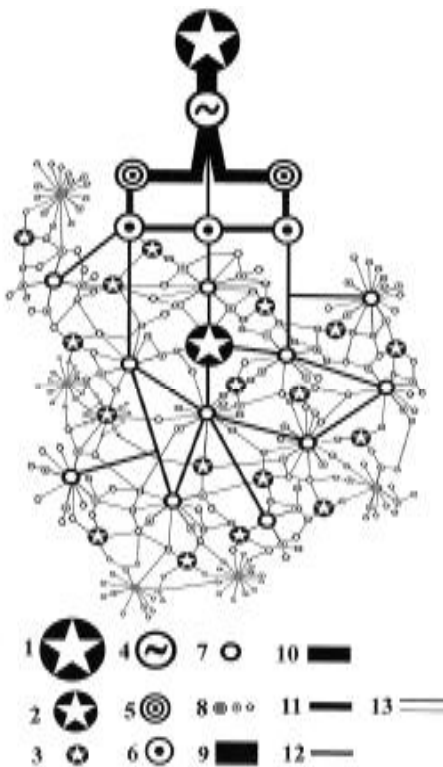

Рис. 5. Модель двухуровневой организации централизованной и локальной энергосистемы [3. С. 31]

Условные обозначения:

Электростанции:

- 1 – федеральная электростанция мощностью ≥ 1 тыс. МВт;
- 2 – электростанция региональной энергосистемы мощностью до 1 тыс. МВт;
- 3 – малая электростанция локальной энергосистемы, мощностью до 30 МВт.

Электрические подстанции (ПС):

- 4 – системообразующие ПС 750 кВ;
- 5 – системообразующие ПС 330–500 кВ;
- 6 – системообразующие и питающие ПС 220 кВ;
- 7 – питающие ПС 35–110 кВ;
- 8 – распределительные ПС 10–6–0,4 кВ.

Линии электрических передач (ЛЭП):

- 9 – системообразующие ЛЭП 750 кВ;
- 10 – системообразующие ЛЭП 330–500 кВ;
- 11 – системообразующие и питающие ЛЭП 220 кВ;
- 12 – питающие ЛЭП 35–35–110 кВ;
- 13 – распределительные ЛЭП 10–0,4 кВ.

С учетом жесткой привязки газотурбинных ТЭЦ к магистральным газопроводам более перспективен вариант развития малой энергетики на основе газопоршневых двигателей, которые лучше адаптированы для работы от газопрово-

дов более распространенного стандарта городской и сельской сети (0,3–1,2 МПа). Следовательно, с географической точки зрения область развития малых ТЭЦ на основе газопоршневых двигателей значительно расширяется. Вместе с тем в сельской местности региона показатель сетевого варианта газификации поселений не высок. Соответственно развитие малой энергетики на основе газопоршневых двигателей также имеет свои пространственные ограничения (ареально-узловой тип локальных систем).

Однако при любом сценарии развития малой тепловой энергетики неизменна ее зависимость от истощаемых ресурсов. Цены на энергоносители будоражат, а ставка на развитие только газовых технологий резко повышает зависимость энергетики от ценового коридора на газ. В этой связи возрождаются идеи развития локальных энергосистем на основе возобновляемых энергоисточников (ареальный тип локальных энергосистем).

Например, технический потенциал ресурсов энергии ветра Смоленской области оценен по мощности 1519 МВт, а по объему годового возобновления почти 6,8 млрд кВт·ч. Однако из-за наличия объективных ограничений (ресурсных, экологических, технических и т.д.) экономическим ресурсом может быть признано не более 10% показателей технологического потенциала, или до 152 МВт по мощности и 680 млн кВт·ч по объему годового возобновления. Экономический потенциал развития малой гидроэнергетики в области достигает по мощности почти 15 МВт и 52 млн кВт·ч электроэнергии по объему возобновления в год [1. С. 50–52, 62–63].

Таким образом, суммарный экономический потенциал только по двум видам возобновляемых источников энергии в Смоленской области (ветра и ресурсов для развития малой гидроэнергетики) достигает 167 МВт мощности и до 732 млн кВт·ч по объему производства в год, что составляет примерно 12% объема внутрирегионального электропотребления (среднегодовое потребление по области варьирует в диапазоне 5–6 млрд кВт·ч).

Из обзора выбора типа электростанции локальной энергосистемы следует, что в каждом сетевом цикле региона могут использоваться разные источники генерации: тепловые электростанции ОАО «Смоленскэнерго», малые газопоршневые и дизельные генераторы, газотурбинные теплоэлектроцентрали, гидравлические или гидроаккумулирующие электростанции и ветроэнергетические установки.

Библиографический список

1. Атаев З.А. Экономико-географические предпосылки использования возобновляемых источников энергии в сельской местности Центрального экономического района России (на примере Рязанской и сопредельных областей): Дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.11. (Приложение) / Моск. гос. ун-т землеустройства. — М., 1998. — 103 с.
2. Атаев З.А. Территориальная организация локальной энергетики ЦЭР России: Монография / З.А. Атаев ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. — М. ; Рязань : Изд-во МПСИ, 2006. — 344 с., 15 с. ил.
3. Атаев З.А. Географические основы локальной энергетики Центрального экономического района России : монография / Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. — Рязань, 2008. — 284 с.
4. Атаев З.А. Территориальная организация локальной энергетики Центрального экономического района России: Дис. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. (Приложение) / Институт географии РАН — М., 2008. — 155 с.
5. Дубинин В.С. Сопоставление систем централизованного и децентрализованного энергообеспечения в современных условиях России (часть 1) // Промышленная энергетика. — 2005. — № 9. — С. 7—12.
6. Единая энергетическая система России на рубеже веков. Современное состояние и перспективы развития / Решетов В.И., Семенов В.А. Лисицын Н.В. — М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2002. — 224 с.
7. Ильинский Н.Ф., Цацекин В.К. Приложение теории графов к задачам электромеханики. — М.: Энергия, 1968. — 200 с.
8. Мелентьев Л.А. Оптимизация развития и управления больших систем энергетики. — М.: Высшая школа, 1982. — 319 с.
9. Оре О. Теория графов. — 2-е изд. — М.: Наука, 1980. — 356 с.
10. Родоман Б.Б. Экологическое значение административных границ // Проблемы приграничных регионов России. Материалы XXI ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Белгород—Харьков, 5—7 июня 2004 г. — М.: Изд-во ИГ РАН, 2004. — С. 82—85.
11. Совалов С.А. Режимы Единой энергосистемы. — М.: Энергоатомиздат, 1983.
12. Совалов С.А., Семенов В.А. Противоаварийное управление в энергосистемах. — М.: Энергоатомиздат, 1988. — 416 с.
13. Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. — Смоленск; Москва: Универсум, 2005. — 384 с.
14. Управление режимами электроэнергетических систем в аварийных ситуациях / В.М. Чебан, А.К. Ландман, А.Г. Фишов. — М.: Высшая школа, 1990. — 144 с.: ил.

В.Ю. Добромыслова
(г. Москва)

ВЛИЯНИЕ ЯПОНИИ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Dobromyslova V.Yu.

INFLUENCE OF JAPAN ON DEVELOPMENT OF REGIONS OF THE FAR EAST

The author examines questions of cooperation influence with Japan on social and economic development of regions of the Far East Russia.

В последнее время внешняя политика становится важнейшим элементом деятельности Правительства России. Особая роль принадлежит торгово-экономическому сотрудничеству особенно отношениям со странами Восточной Азии. Япония — одна из стран-лидеров не только этого региона, но и всего мира.

К сожалению, взаимные экономические контакты России и Японии не имеют того уровня, который мог бы быть между такими крупными странами. Во внешней торговле Японии Россия не является ведущим партнером, находясь на 23 месте по сумме экспортно-импортных операций (первые места занимают США и Китай).

Таблица 1

Внешняя торговля Дальнего Востока России с Японией, млн. долл. США

	2000–2005 гг.		Доля Японии во внешнеторговом обороте, %	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Дальний Восток	1 082,7	583,0	12,8	8,3
Республика Саха (Якутия)	176,5	120,7	7,4	98,9
Еврейская авт. область	2,2	0,6	17,9	4,8
Приморский край	151,6	173,2	14,6	6
Хабаровский край	346,5	113,7	9,5	12,2
Амурская область	34,7	2,9	21,1	1,5
Камчатский край	171,1	35,0	97,6	74,7
Магаданская область	10,9	37,9	48,1	38,6
Сахалинская область	189,5	99,1	19,7	4,2

Источник: Данные таможенной статистики, Value of Japan Imports and Exports by Principal Country (Area) of Origin (1946-2004), JETRO 2007, данные статистических комитетов краев и областей ДВ.

Для России экономическое сотрудничество с Японией имеет более важное значение, ее доля в товарообороте страны – 3,4% (8-е место в рейтинге ведущих внешнеэкономических партнеров России). В 2007 г., по данным Федеральной таможенной службы РФ, объем российско-японского товарооборота превысил 20 млрд. долл. Но на протяжении ряда лет данные японской и российской статистики разнятся: японские показатели об импорте морепродуктов из РФ ежегодно примерно на 700 млн. долл. США больше, чем российские данные об их экспорте в Японию. Для Дальневосточного федерального округа Япония, как торговый партнер, стоит на 2-м месте, после Китая.

Торгово-экономические отношения регионов Дальнего Востока с Японией. По мнению экспертов (бывший премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми, Чрезвычайный и Полномочный Посол Японии в России Иссэй Номура), потенциал внешней торговли РФ и Японии составляет 100 млрд. долл. США¹.

Значительный потенциал экономического сотрудничества РФ и Японии определяется наличием взаимодополняющих факторов развития для каждой территории. Дальневосточный регион, имеющий разнообразные природные ресурсы и существенный научно-технический потенциал, вполне пригоден для формирования научно-технического кластера: на Дальнем Востоке есть отделение РАН, а также множество высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов Японии, со своей стороны, может предоставить современные технологии, а также крупные инвестиции, как свой вклад в развитие сотрудничества

Дальневосточные регионы очень разные, но их торговые отношения с Японией практически всегда коррелируются с экономическим развитием территории. Так, например, наиболее прочные позиции Япония сохраняет в экспорте Приморского и Хабаровского краев, Сахалинской области и Республики Саха-Якутия (табл. 1) – это самые развитые и богатые субъекты Дальнего Востока

Анализ имеющихся данных объема внешней торговли Дальнего Востока России с Японией позволяет увидеть следующую закономерность – у «сильных» регионов объем экспорта и импорта примерно равен, за исключением Сахалинской области, которая экспортирует почти в 2 раза больше, чем импортирует. Вероятно, это связано с большой потребностью Японии в углеводородном сырье. У «слабых» – экспорт в разы превышает импорт, это объясняется сырьевой ориентацией их экспорта (лес, рыба) и минимальными потребностями в сложной технике – главной статьей экспорта Японии (см. табл. 2).

Торгово-экономические связи отдельных регионов в ходе развития двусторонних отношений Дальнего Востока с Японией отличаются некоторой спецификой. Экспортные товары различаются в зависимости от специализации субъекта РФ, а импортные – практически все одинаковы, отличия наблюдаются только в объемах, так как все регионы Дальнего Востока нуждаются в оборудовании для развития отраслей специализации и автомобилях.

В торгово-экономические отношения с Японией наиболее вовлеченными оказываются

¹ Громов А. Шаг за шагом // Эксперт Япония, декабрь 2005. – С. 14–15.

Таблица 2

Структура торговли субъектов Дальнего Востока России с Японией

Субъект Федерации	Япония	
	Экспорт	Импорт
Республика Саха (Якутия)	уголь, оловянный концентрат, металлическое олово, круглый лес, ювелирные изделия и бриллианты	Нефтегазовое оборудование, трубы, сельскохозяйственные машины
Амурская область	Необработанные лесоматериалы	Бульдозеры, автомобильные запчасти, насосы жидкостные и вакуумные, резиновые технические изделия
Еврейская автономная область	Необработанные лесоматериалы	Автомобили, медицинское оборудование
Приморский край	Рыбная продукция, лес, цветные металлы	Автомобили, автобусы
Хабаровский край	Древесина необработанная, пиломатериалы, лом черных металлов, оловянный и медный концентрат, алюминиевые сплавы, рыбная продукция, дизельное топливо	Автомобили (грузовые – 7,8%, легковые – 6,5%), вычислительная техника, приборы и медицинское оборудование (17,8%), техника для базовых отраслей, изделия из драгоценных металлов, электрооборудование
Магаданская область	Рыбная продукция, ракообразные, отходы и лом черных металлов	Оборудование и механические устройства, средства наземного транспорта, изделия из черных металлов, медицинское оборудование
Камчатский край	Рыбная продукция	Бумага, картон и изделия из них, медицинское оборудование, суда и плавсредства, машины и технологическое оборудование
Сахалинская область	Нефть, газ, рыбная продукция	Автомобили, технологическое оборудование для добычи и переработки нефти и газа.

*Чукотский автономный округ в торгово-экономических связях с Японией не участвует.

Составлено по данным Росстата, сайтам субъектов Федерации ДВ, «Нихон токэй ненкан 2007», японская ассоциация по торговле с Россией и СНГ, «РОТОБО».

российские прибрежные территории, но четкой границы провести нельзя. В Японии явно выделяется зона, имеющая ведущую роль в связях с российским Дальним Востоком – это префектуры, выходящие на побережье Японского моря (см. картосхему). Такая ситуация вполне объяснима и связана с выгодным транспортно-географическим положением, определяемым взаимной географической близостью. Но, как известно, крупнейшие морские торговые порты Японии находятся на Тихоокеанском побережье, а не на западе. Префектуры, выходящие к Тихоокеанскому побережью, являются в Японии наиболее развитыми и их торгово-экономические потоки направлены в основном в США (крупнейший внешнеторговый партнер Японии после Китая). Префектуры, имеющие тесные связи с Дальним Востоком РФ, относятся к районам менее развитым.

Нами был рассчитан показатель плотности внешнеторгового потока, определяемый как

отношение объема внешнеторговых операций в денежном эквиваленте и числа жителей в префектуре. Максимальное значение он имеет у префектуры Тояма (около 400 долл. США на 1 человека), имеющей сравнительно небольшую численность населения (1,1 млн. чел.). Расчеты показали, что объемы торговли района определяют не только его собственный потенциал, но и связи с остальной территорией, чего у многих российских дальневосточных регионов нет. Камчатка, Магаданская область и Чукотка могут торговать только собственной продукцией, потому что отсутствуют сухопутные транспортные связи с другими субъектами РФ.

Наибольший объем торговли имеет ближайшая к нашей территории префектура Хоккайдо. Остров по своим природно-климатическим условиям схож с территориями Дальнего Востока и опыт развития территории может оказаться полезным для разработки программ по развитию Дальневосточного района.

Картосхема

Объем торговли японских префектур
с Дальним Востоком России, 2006 г.

Таблица 3

Субъектная экспортная квота регионов Дальнего Востока с Японией

Экспортная субъектная квота	с Японией	Общая
Дальний Восток	0,044	0,343
Республика Саха(Якутия)	0,030	0,405
Приморский край	0,029	0,198
Хабаровский край	0,071	0,745
Амурская область	0,015	0,071
Камчатский край	0,112	0,114
Магаданская область	0,013	0,027
Сахалинская область	0,059	0,300
Еврейская область	0,005	0,028

Каких-либо существенных отклонений в структуре торговли с Хоккайдо по сравнению со всей Японией не наблюдается. Приморский и Хабаровский край в основном отправляют на Хоккайдо лес, рыбу и морепродукты, а получают автомобили и оборудование. Сахалин поставляет нефть, газ, рыбу, морепродукты, а Хоккайдо экспортирует на Сахалин машины и оборудование. Хоккайдо развивался немного по-другому чем вся территория Японии, ведь он, как и российский Дальний Восток, отдален от центральной части страны и всегда являлся слабо развитым. Была разработана своеобразная региональная политика для острова и огромные государственные усилия и средства были вложены в его развитие. Большое значение может иметь опыт Хоккайдо для Сахалина, который островная область может использовать, сделав упор на собственные ресурсы и возможности. Так, например, на Хоккайдо начало активно развиваться движение «одна деревня – один товар». Суть этого движения состоит в том, что каждая местность (город, деревня, поселок) с учетом своей специфики должна вырабатывать не менее одного вида готовой продукции с торговой маркой «отличное качество».

Основная проблема Дальнего Востока – нехватка населения, максимальная плотность населения в Приморском крае составляет 12 чел./кв. км (на слабо заселенном по японским меркам Хоккайдо – 67 чел./кв. км), и как следствие этого, наблюдается острый дефицит трудовых ресурсов. Поэтому главная задача состоит в том, чтобы закрепить и привлечь население. Именно здесь нам нужна японская робототехника, которая заменяла бы людей.

Степень влияния Японии на регионы Дальнего Востока. Для того чтобы определить степень вовлеченности регионов в торговые отношения с Японией, нужно рассчитать одни из главных показателей, характеризующих уровень экономической взаимосвязанности территорий – экспортную и импортную квоты, которые определяются как отношение стоимости объема экспорта/импорта к ВВП. Обычно этот показатель рассчитывается в целом для страны, что связано со сложностями получения данных о внешнеторговых операциях по субъектам Федерации. Экспортную/импортную субъектную квоту мы выразили через отношение стоимости объема экспорта/импорта субъекта с данной страной (Японией) к ВВП (табл. 3). При этом о зависимости конкретного региона от отношений с Японией позволяет судить общая субъектная экспортная и импортная квота, которая показывает, сможет ли он «выжить» без связей с Японией.

Как видно из расчетов¹, максимальная субъектная экспортная квота с Японией у Камчатского и Хабаровского краев и Сахалинской области, следовательно, они наиболее вовлечены в торговые отношения с Японией. Это связано с большими поставками в Японию сырой нефти, рыбы и морепродуктов. Минимальная – у Еврейской автономной области и Амурской области, что объясняется близостью к более привлекательному торговому партнеру – Китаю, и малым экспортным потенциалом данных территорий. Средние показатели характеризуют Приморский край и Республику Саха-Якутия. Но при сравнении субъектной экспортной квоты с Японией с общей квотой получается, что самыми «зависимыми» от

¹ Чукотский автономный округ не имеет экономических связей с Японией.

Таблица 4

Субъектная импортная квота регионов Дальнего Востока с Японией

Экспортная субъектная квота	с Японией	Общая
Дальний Восток	0,024	0,288
Республика Саха(Якутия)	0,020	0,022
Приморский край	0,033	0,546
Хабаровский край	0,023	0,188
Амурская область	0,001	0,065
Камчатский край	0,034	0,045
Магаданская область	0,044	0,114
Сахалинская область	0,031	0,744
Еврейская область	0,002	0,042

торговли с Японией являются Камчатский край и Магаданская область, так как у них очень маленькая разница между квотами. Основными товарами, поступающими в Японию из этих двух субъектов является рыба и морепродукты. Благополучие Камчатского края практически на 100% зависит от торговых отношений с Японией. Наименее зависимыми оказываются Республика Саха-Якутия и Хабаровский край. Республика Саха-Якутия имеет более диверсифицированную структуру экономики, а следовательно и большее число экономических партнеров, а Хабаровский край в большей степени тяготеет к Китаю, который ближе.

По результатам расчетов импортной субъектной квоты можно выделить три группы регионов (табл. 4): 1) с максимальной субъектной импортной квотой, 2) со средней субъектной импортной квотой, 3) с минимальной субъектной импортной квотой. Приморский, Камчатский край, Сахалинская и Магаданская области по результатам расчетов входят в первую группу. Объем импорта из Японии здесь самый высокий. В эти субъекты ввозится японское оборудование, бензин, обработанная рыбная продукция и транспортные средства (в основном – подержанные автомобили). Сравнивая с квоты между собой, получаем список наиболее зависимых субъектов – это Республика Саха-Якутия, Камчатский край и Магаданская область, то есть почти все, что закупается данными регионами за рубежом, приходит сюда из Японии.

К группе с минимальной субъектной импортной квотой (как и по экспорту) относятся Еврейская автономная область и Амурская область. Данный факт подтверждается сравнением с общей импортной субъектной квотой. Амурская область наименее зависима от импортных поставок из Японии.

В регионах, имеющих высокую экспортную квоту, необходимо развивать перерабатывающие производства, за счет чего увеличится стоимость и качество экспортируемой продукции, а также появятся дополнительные рабочие места. Для регионов с высокой импортной субъектной квотой одним из вариантов экономического развития является строительство предприятий по производству запасных частей для японских автомобилей. Для Сахалина важным может стать строительство ГПЗ и НПЗ, с дальнейшим развитием нефтехимии, производством автомобильных шин. Но Япония уже создала производство запчастей в Китае, где стоимость рабочей силы в разы дешевле, чем на территории России.

Сложности в развитии взаимоотношений
Еще раз подчеркнем, что для России очень важно привлечь Японию к развитию регионов Дальнего Востока, но существует много субъективных причин, по которым этот процесс протекает очень медленно. Многие экономисты основной причиной данной ситуации считают политическую – не подписанный до настоящего времени мирный договор между РФ и Японией. Но, на наш взгляд, отсутствие мирного договора и нерешенность территориальной проблемы – это не основная причина.

Скорее всего, главной причиной являются экономические и ментальные особенности. Японцы очень ценят стабильность и уверенность в «завтрашнем дне». Достаточно проанализировать, в каких странах созданы японские предприятия и сосредоточены японские капиталы, и мы увидим, что одним из основных торговых партнеров Японии являются США. В США стабильная политическая система и устраивающая японцев законодательная база. Они не боятся вкладывать туда свои

деньги. Этот же аспект привлекает японские инвестиции в Китай.

С РФ все гораздо сложнее. Японцы не уверены в стабильности политической системы в нашей стране, не уверены в людях, с которыми будут вести бизнес на территории Дальнего Востока и России в целом. К тому же, для серьезных японских инвесторов Дальний Восток не очень интересен, так как здесь мал потребительский рынок. Большинство возможных потребителей продукции японских фирм на территории РФ живут в Европейской части страны. И даже если производить продукцию на Дальнем Востоке, то везти ее придется за 7–9 тыс. км, что сильно увеличит стоимость товара. Возможно, что Японии важнее развивать на территории Дальнего Востока высокоинтеллектуальные производства, ориентированные на японского потребителя, или первичную переработку углеводородов, убирая экологически опасные предприятия со своей территории. Судя по опыту Японии, вынос грязных и вредных предприятий на территории других государств рамках Киотского протокола сопровождается помощью в усовершенствовании очистных установок, что для нас не так уж плохо.

Среди факторов, сдерживающих развитие российско-японских экономических связей, следует выделить трудность проникновения на внутренний рынок Японии зарубежных компаний (в том числе и российских), высокие пошлины на многие виды импортируемой продукции, делающие ее неконкурентоспособной по сравнению с национальной; низкий платежеспособный спрос российских предприятий и населения России; сложность нахождения ниш на японском рынке высокотехнологичных товаров российскими компаниями из-за жесткой конкуренции со стороны американских и европейских компаний. Дополнительно можно назвать корпоративную практику заключения сделок между японскими компаниями, препятствующую проникновению зарубежных фирм на японский рынок (система «кэйрэцу»); наличие ряда законодательных ограничений для иностранных производителей по выходу на внутренний рынок Японии (несмотря на меры, принимаемые правительством Японии в последние годы в области дерегулирования проводимого в русле административной реформы); присутствие на рынке торговых ассоциаций японских производителей, имеющих приоритетное право коммерческих операций в стране.

К ментальным причинам можно отнести приверженность японцев к традициям, складывающихся веками. Это же касается и отношений с РФ, ведь на протяжении долгого времени наши страны имели напряженные взаимоотношения (российско-японские войны, холодная война). Многие века японцы жили по законам самураев, то есть по кодексу чести, и до сих пор он имеет вес в обществе, конечно, не такой большой, как раньше. И именно соблюдение договора для японцев очень важно, ведь раньше за несоблюдение каких-то предписаний японцы и вся его семья считались опозоренными. Для них непонятно, как можно подписать договор, создать закон или какие-то другие материалы и не выполнять необходимого (частое явление для России). Только после всех перечисленных причин следует указать неподписанный до настоящего времени мирный договор и проблему Северных территорий.

Итак, для того, что бы на Дальний Восток пошли инвестиции, и не только японские, необходимо участие в развитии территории государства, заключающееся в создании законодательной базы, решении проблемы Северных территорий, улучшении инфраструктуры, особенно таможенной. В течение нескольких последних лет японская сторона неоднократно обращалась к администрациям Приморского и Хабаровского краев с предложениями об организации таможенных складов, но вопрос остается открытым. Одной из причин, видимо, является то, что у дальневосточных импортеров пока недостаточно средств для закупки больших партий товаров. Необходимо создать условия для того, чтобы ввозимые на Дальний Восток товары могли реализовываться на более обширной территории, включая Восточную Сибирь. Если на Дальнем Востоке будут созданы хорошие условия для производства и жизни людей, сюда придут и иностранные, и отечественные инвесторы. Японо-российские отношения вышли на новый уровень. Гиганты, подобные Тойоте, выходя на российский рынок, активно растут, торговля высокотехнологичной продукцией увеличивается, объемы импорта сахалинской нефти, а с 2007–2008 года Япония начинает покупать российский газ. На основе наблюдаемого в настоящее время подъема двустороннего экономического сотрудничества Японии и России пора решить единственную остающуюся нерешенной проблему – заключить мирный договор и создать тем самым прочную политическую основу дальнейших взаимоотношений.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

И.М. Кузина
(г. Москва)

МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Kuzina I.M.

MACROREGIONAL FEATURES OF MODERN DEVELOPMENT OF A WORLD AGRICULTURE

The author on the accommodation comparison basis of the population and agricultural production shows presence of sharp disproportions between advanced and less developed countries and analyzes a witticism of social and food problems in the modern world.

Начало XXI века ознаменовано обострением целого ряда глобальных проблем, непосредственно связанных с современным состоянием и спецификой развития как социальных, так и производственных сторон сельского хозяйства. Сельское хозяйство на протяжении 10 тысяч лет истории человеческого общества остается базовой отраслью материального производства и определяет образ жизни большей части населения. Переход к формированию и развитию мирового хозяйства в XVII–XX вв. на всех основных этапах – аграрного капитализма, индустриального капитализма и постиндустриального общества – сопровождался социально-экономической трансформацией сельского хозяйства и изменением его роли, а также территориальной организации, научно-технической оснащенности, специализации и интенсивности производства. Однако, от сельского хозяйства – основного поставщика продовольствия – по-прежнему зависит жизнь растущего населения нашей планеты, всех жителей городов и сельской местности.

XX век стал переломным для агросферы, т. к. в условиях растущего спроса увеличивающегося населения, особенно городского и в результате социальных реформ и научно-технических инноваций, аграрно-промышленной интеграции резко возрос объем сельскохозяйственной продукции, поднялась товарность и

интенсивность производства, сформировалась система территориального разделения труда на разных иерархических уровнях – глобальном, региональном, страновом, районном и локальном. За столетие население мира выросло в 4 раза до 6,5 млрд. чел., среднегодовой сбор зерна увеличился в 5 раз, а животноводческая продукция – в 3 раза. [1] Вместе с тем сельское хозяйство из доминирующей стало лишь одной из основных отраслей мировой экономики, а также многих стран. Этот процесс особенно усилился с середины XX в., когда произошли коренные структурные сдвиги в мировом хозяйстве. Рост продукции не привел к устойчивости сельскохозяйственного производства, продолжалось углубление продовольственной, социально-экономической и экологической проблемы. В наше время продовольственное положение в мире остается кризисным, что определяется в основном социально-экономическими факторами. Число голодающих достигло 1 млрд. чел. и продолжает расти, так как зависит от распространяющейся бедности, особенно в сельской местности и в развивающихся странах (РС).

Первостепенную важность приобрели с середины XX века вопросы развития и координации международной научной и практической деятельности в области сельского хозяйства и связанных с ним глобальных проблем, что

видно по работе ООН. В конце XX века – начале XXI века в условиях интернационализации межгосударственные мероприятия в этом направлении активизировались. В 1996 г. в Риме на Всемирном саммите по продовольствию было принято решение о принципах ответственности государства продовольственную безопасность. Тогда же концепция устойчивого развития, выдвинутая Продовольственной и сельскохозяйственной организацией (ФАО) ООН в 1990 г., была преобразована в концепцию развития сельского хозяйства и сельской местности (САРД) [11]. В «Декларации тысячелетия», принятой ООН в 2000 году, первоочередной задачей мирового сообщества поставлено искоренение крайней нищеты и голода. В связи с этим определены задачи: сократить за 1990–2015 гг. вдвое долю бедного населения (с доходом менее 1 долл. в день) и долю населения, страдающего от голода [1, 2]. Главное внимание ООН сконцентрировано на развивающихся странах, где сосредоточена большая часть жителей земли, в т. ч. бедняки голодающих, хотя там же создается большая часть сельскохозяйственной продукции мира.

Труды ФАО и ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде), многих международных научных обществ и крупнейших национальных институтов показали важность междисциплинарного комплексного и системного подхода к решению вопросов развития агросферы, продовольственной, социально-экономической и экологической проблем сельской местности (СМ). Все яснее проявляется осознание взаимосвязи глобальных и локальных процессов, особого значения структурно-территориальных аспектов агропроизводства, роли государственности и региональной интеграции. Вследствие этого растет потребность в сопряженном исследовании социально-экономической географии сельского хозяйства и экономики стран. В данной статье представлены некоторые результаты изучения тенденций и факторов сельскохозяйственного развития макрорегионов мира за 1990–2006 гг. по материалам ФАО и Всемирного банка [12–14]. В работе используется генерализованная типология стран (развитые и развивающиеся) и схема шести макрорегионов мира по версии ООН и Всемирного банка. К развитым странам отнесены высокодоходные (свыше 1,1 тыс. долл. ВВП на душу населения в 2006 г.), а к развивающимся (РС) – низко- и среднедоходные государства. В категорию РС после 1991 г. ООН включает Цент-

рально-Восточную Европу (ЦВЕ) и СНГ, ранее входившие в группу развитых стран.

Население и сельское хозяйство. География сельского хозяйства, столь зависимая от природных условий, формируется во многом под воздействием внутренних и внешних общественных факторов. Политические, социальные, экономические, научно-технические, культурные этнические, исторические и цивилизационные особенности стран и регионов определяют тенденции и формы развития агропроизводства. Урбанизация, научно-техническая революция, агропромышленная интеграция и процесс интернационализации создали в XX в., с одной стороны, новые стимулы и условия для развития, а, с другой стороны, противоречия и сложности, затрудняющие дальнейшее продвижение и трансформацию этой отрасли. Ниже рассматриваются основные экономические и производственные параметры сельского хозяйства, а также социальные аспекты, за исключением аграрных отношений, которые требуют специального анализа. Наличие разнообразных аграрных отношений, включая общинные, родо-племенные, феодальные (помещичьи и крестьянские), капиталистические (фермерские и корпоративные), государственно-кооперативные и множество переходных характерное для современного мира, предопределяет уровень, темпы развития и формы агрогеографии. С изменением типа политических и аграрных отношений происходят существенные, порой коренные сдвиги в сельском хозяйстве, что наглядно видно по макрорегиону ЦВЕ – СНГ. Макрорегионы РС обладают определенной общностью социально-экономического характера типа стран и форм аграрных отношений.

С середины XX в. кардинально изменилось место сельского хозяйства в мировой экономике, которое определяют по удельному весу в ВВП и ЭАН мира. Уже в 1940 г. сельское хозяйство впервые уступило лидерство по добавленной стоимости продукции промышленности, а по завершении периода индустриализации и с наступлением постиндустриальной эпохи в 1980-х гг. из-за перехода первенства к сфере услуг оказалось на 3-м месте в структуре ВВП мира. Доля сельского хозяйства, составлявшая в 1950 г. 15,4% ВВП мира, снизилась к 1980 г. до 9,1%, а в 2005–06 гг., согласно расчетам Всемирного банка, она была на уровне 3% [6, 14].

Однако, по численности и удельному весу сельскохозяйственного населения (СХН) и занятых эта отрасль остается доминирующей в мире, здесь сказался демографический взрыв 2-й половины XX в. и низкая производительность труда. Численность СХН, включающего занятых в сельском хозяйстве и членов их семей, в начале XXI века превысило 3,2 млрд чел., т. е. 52% всех жителей планеты. Сельскохозяйственные работники лишь в середине 1970-х гг. стали составлять менее половины ЭАН (экономически активного населения) мира, а к 2005 г. их доля снизилась до 44%. Численно эта категория, как и СХН, продолжает расти и в настоящее время достигла 1,3 млрд чел. 4/5 СХН проживает в сельской местности (СМ), где остается преобладающей группой жителей [4, 14].

В современном мире сосуществует множество социально-экономических типов сельского хозяйства, носящих черты всех прошлых исторических эпох и разных этапов развития общества, поэтому признаки агропроизводства постиндустриального периода представлены лишь в группе развитых стран и в отдельных ареалах развивающихся государств. Эволюция всей экономики РС сказывается и на агросфере. Всемирным банком в 2008 г. разработана оригинальная социально-экономическая классификация развивающихся стран, отражающая процессы урбанизации и структурно-отраслевой перестройки экономики [14]. Авторы предложили трехчленную группировку государств

1) аграрные (базирующиеся на сельском хозяйстве),

2) трансформирующиеся,

3) урбанизованные.

Аграрные страны преобладают в Африке южнее Сахары, трансформирующиеся – в Южной и Восточной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Урбанизованные характерны для Латинской Америки и Карибского бассейна, Европы и Центральной Азии (ЦВЕ – СНГ).

Структурно-территориальные черты сельского хозяйства определяются во многом размещением, динамикой численности и состава населения, в первую очередь сельского. Ускоренный рост населения и активная урбанизация XX века, и особенно его второй половины, привели к смене динамических моделей развития населения и к изменению соотношения городского и сельского населения. При увеличении численности доля сельского населения снизилась с 70% в 1950 г. до 64% в

1965 г., 56% в 1990 г. и до 51% всех жителей планеты в 2005 г. [8]. В 2007 г. впервые сравнялось число горожан и сельского населения, отразив переход от преимущественно аграрного к индустриальному и постиндустриальному городскому обществу. Ожидается, что к 2025 г. доля сельского населения снизится до 42% и приостановится рост его абсолютной численности.

За 1965–2006 гг. численность сельского населения мира выросла на 57%, т. е. с 2,1 млрд до 3,3 млрд чел., при этом в развивающихся странах она увеличилась на 3/5, а в развитых – лишь на 1/10. Единственным регионом с постоянной убылью стал ЦВЕ – СНГ, где число сельских жителей сократилось на 25% в результате коренной социально-экономической перестройки 1990-х гг., вызвавшей резкий спад агропроизводства. В других регионах рост сельского населения продолжался, но разными темпами. За 1990–2006 гг. наиболее высоким был прирост сельского населения в Африке южнее Сахары (в 2,3 раза) и в Южной Азии (вдвое), существенное увеличение (на 1,2) было отмечено на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. С 1995 г. убыль сельских жителей происходит в Восточной Азии и Латинской Америке. Тем не менее концентрация сельского населения в развивающихся странах продолжается: если в 1990 г. там жило 91,2%, то в 2006 г. – 93,8% этой категории жителей мира. Соответственно снизился удельный вес развитых государств, несмотря на процесс урбанизации.

В группе развивающихся стран (РС) продолжает доминировать сельское население (57% всех жителей в 2005 г.), хотя реально преобладание сельских жителей характерно лишь для трёх регионов – Южной Азии (72%), Африки южнее Сахары (64%) и Восточной Азии (61%). Урбанизованными являются ЦВЕ – СНГ (горожане – 63% всего населения), Ближний Восток (59%) и Латинская Америка (77%) [1]. В развитых странах в СМ живет лишь 1/5 всего населения [5]. Степень аграризации сельской местности (СМ) показывает доля сельскохозяйственного населения (СХН) от всего сельского населения (СН). По этому критерию можно выделить три категории СМ: 1) аграрные (СХН более 50% СН) – Азия, Африка, Северная Америка, Океания; 2) полуаграрные (СХН – 35–50% СН) – Южная Америка; 3) диверсифицированные (менее 35% СН) – Европа. В целом СМ мира таким образом остается аграрной (СХН – 80% СН) [4].

Таблица 1

Экономические показатели сельского хозяйства

Макрорегионы	Добавленная стоимость сельского хозяйства (ДССХ), 2006 год			Производительность труда, долл./чел. 2001–2003 гг.*		Индекс локализации с/х**	Индекс локализации угрозы голодания***
	Млрд. долл.	% к итогу	Изменение за 1990–2006 гг., %	Доля от среднемировой	Прирост за 1990/92–2001/03 гг., %		
Развивающиеся страны	1 229,4	62,7	62,2	0,6	25,5	0,7	1,54
Восточная Азия и Тихоокеанский район	436,5	22,3	124,8	0,5	36,0	0,8	1,12
Южная Азия	205,6	10,5	59,1	0,5	15,6	0,5	3,29
Ближний Восток и Северная Африка	80,3	4,1	26,1	2,2	21,9	0,9	0,59
Африка южнее Сахары	106,4	5,4	98,5	0,4	6,9	0,5	4,70
ЦВЕ и СНГ	224,4	11,4	2,4	2,2	5,1	1,6	0,26
Латинская Америка и Карибский бассейн	176,7	9,0	79,4	3,3	32,7	1,1	0,67
Развитые страны	731,6	37,3	65,9	28,0	62,9	2,4	0,09
Мир	1 961,5	100,0	64,3	1,0	15,8	1,0	1,00

ДССХ на одного занятого в сельском хозяйстве. ** Индекс локализации сельского хозяйства $I_{\text{ла}} = V/P$, где V – доля (%) ДССХ региона от мирового итога, P – доля (%) населения региона от численности населения мира. *** Индекс локализации угрозы голодания. – $I_{\text{лв}} = H/V$, где H – доля (%) голодающих региона от мирового итога, V – доля (%) ДССХ региона от мирового итога. Вычислено по 10,14.

Существует взаимосвязь между социально-экономическим уровнем развития стран и уровнем жизни сельского населения, непосредственно отражающаяся на социальной и производственной стороне агросферы. В число основных показателей уровня жизни входят ВВП на душу населения, доля бедняков и индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

В 2006 г. размеры душевого ВВП (по ППС) в развивающихся странах (5,7 тыс. долл. в год) были почти вдвое ниже среднемирового (10,2 тыс. долл.), тогда как в развитых странах они превышали его более чем в три раза (34,7 тыс. долл.) [14]. Относительно лучшим среди регионов РС было положение в Латинской Америке и ЦВЕ – СНГ (0,9 от среднемирового). Далее шли Восточная Азия (0,7) и Ближний Восток (0,6). Вдвое ниже среднемировой цифры были показатели Южной Азии, наконец, в пять раз ниже в самом бедном регионе мира – Африке южнее Сахары.

Важнейшая глобальная проблема нашего времени – бедность, получившая наибольшее распространение в сельской местности и прежде всего среди сельскохозяйственного населения. По оценке Лестера Брауна, на Земле ныне

живет 1,3 млрд. бедных [1]. Доля бедняков получающих менее 1 долл. дохода в день, в СМ – 66% от всего населения, была значительно выше, чем в городах РС (43%).

Правда, за последние два – три десятилетия в отдельных странах Азии (Китай) экономический уровень СМ повысился благодаря аграрным реформам, Зелёной революции и государственному регулированию [14]. Вместе с тем во многих областях мира сохраняется бедность и связанный с ней голод.

При общей тенденции снижения доли голодающих за последние 15 лет с 17% до 14% от всего населения мира, по данным Всемирного банка, или с 20% до 17%, согласно ПРООН (Программа развития ООН), численность таких людей увеличилась, по нашим подсчетам, с 898 млн чел. до 913 млн чел., хотя говорят о разных цифрах: от 841 млн чел. до 1,1 млрд чел. [8]. Подавляющее большинство (97% голодающих) живет в низко- и среднедоходных странах. Рост их абсолютного числа отмечен во всех макро-регионах, но основная часть сконцентрирована в азиатских и африканских государствах В Южной Азии находится более трети всех

голодных мира, в Восточной Азии и в Африке южнее Сахары – по 1/4. Индекс локализации угрозы голодания повышен во всей группе РС, но особенно в Африке южнее Сахары и в Южной Азии (табл. 1).

ИРЧП, дающий представление о здоровье, грамотности и экономическом уровне жизни населения стран, позволяет оценить и возможности развития агропроизводства. В 2005 г. при среднем мировом ИРЧП – 0,743 выявлен большой разрыв между развитыми и развивающимися государствами (0,936 и 0,691). Столь же резкие различия существуют между макрорегионами РС. Выше всего пока уровень в ЦВЕ-СНГ (0,808) и Латинской Америке (0,803), близки к ним показатели Восточной Азии (0,771) и Ближнего Востока, но отстает Южная Азия и, наконец, на последнем месте остается Африка южнее Сахары (0,493) [3].

Сельское хозяйство – важнейший сектор экономики большинства развивающихся стран, хотя удельный вес занятых в нем снизился за 1980–2005 гг. с 62 до 51% ЭАНРС, а доля отрасли в ВВП упала с 18% до 11% [5,13]. Ныне в этой отрасли трудится 1274 тыс. чел., т. е. 95,6% всех сельскохозяйственных работников мира. Сказывается избыточная величина трудовых ресурсов СМ РС, в отличие от развитых стран, где достигнута минимальная численность СХН и СН в результате ранее прошедшего оттока в города. Соотношение доли сельского хозяйства в ВВП к доле в ЭАН представляет индекс его экономической эффективности. В настоящее время оно нигде не достигает 1,0, что свидетельствует о низком уровне развития отрасли по сравнению с другими сферами экономики. В среднем в мире за 1980–2005 гг. этот показатель снизился с 0,13 до 0,09, отразив кризисное состояние агросферы. Лишь в развитых странах благодаря научно-техническому перевооружению сельского хозяйства он повысился с 0,43 до 0,53, что, однако, говорит о сохраняющемся отставании от других отраслей. В большинстве макрорегионов РС этот индекс снижается. В ЦВЕ – СНГ из-за ухудшения общего экономического положения он упал до 0,38. Единственный регион, где отмечен подъем, – Латинская Америка (с 0,29 до 0,48).

Наиболее пригоден для оценки уровня развития сельского хозяйства показатель производительности труда, измеряемый величиной добавленной стоимости сельского хозяйства (ДССХ) в расчете на одного занятого в отрасли. За 1990/92 гг. – 2002/03 гг. среднемировая произ-

водительность труда здесь повысилась на 16%, достигнув 872 долл. в год [14]. Наибольший рост имел место в развитых государствах где производительность труда поднялась почти на 2/3 до 24,4 тыс. долл. В развивающихся странах при повышении на 1/4 этот показатель был в 44 раза ниже (557 долл./чел.). Наиболее высокие темпы роста отмечены в Восточной Азии и в Латинской Америке, а самые низкие в ЦВЕ-СНГ (5%) и в Африке южнее Сахары (7%) (табл. 1).

В итоге в начале XXI в. на первое место по производительности сельскохозяйственного труда среди регионов вышла Латинская Америка (2,9 тыс. долл./чел.), обогнавшая ЦВЕ – СНГ и Ближний Восток (по 1,9 тыс. долл./чел.). Самый низкий уровень характерен для Южной Азии (333 долл./чел.) и Африки южнее Сахары (325 долл./чел.). Остается низкой производительность труда Восточной Азии (412 долл./чел.) [14]. Резкие контрасты между регионами – почти в 9 раз и еще больший разрыв между развитыми и развивающимися странами вызван огромными различиями в энергооборуженности и материально-технической оснащенности, капиталоемкости и обеспеченности трудовыми ресурсами, их качеством (квалификацией).

Земельные и материально-технические ресурсы сельского хозяйства. При наличии общих закономерностей развития сельского хозяйства в современном мире наблюдается громадное разнообразие его форм, определяемых спецификой сочетания социально-экономических и производственных признаков, различным характером использования земли, труда и капитала в разных природных и социальных условиях. Процесс интернационализации идет под сильным политическим, экономическим, научно-техническим и культурным воздействием развитых стран. Их сельское хозяйство – подсистема формирующегося нового агропромышленного комплекса, отличающаяся полной механизацией и внедрением высоких технологий, прежде всего в результате биотехнологической и информационной революции. Механизация и химизация, селекция и генная инженерия, компьютеризация в сочетании с концентрацией высокоотварного производства, совершенствованием территориальной организации, углублением специализации и интенсификацией стали фундаментом подъема агросферы в высокодоходных государствах. Достигнутый высокий объем продукции, даже перепроизводства Северный

Таблица 2

Земельные ресурсы

Макрорегионы	Сельскохозяйственные угодья (СХУ), 2005 г.				Площадь пашни, га/чел. СН	Продуктивность СХУ ((ДССХ/СХУ) долл./га)
	млн га	% к итогу	% всей площади	СХУ/СН, га/чел.		
Развивающиеся страны	3 872	77,4	39	1,2	0,20	318
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	790	16,0	50	0,7	0,18	552
Южная Азия	260	5,3	55	0,2	0,18	791
Ближний Восток и Северная Африка	372	7,6	34	2,9	0,16	216
Африка южнее Сахары	1 004	19,2	43	2,1	0,28	106
ЦВЕ и СНГ	665	13,5	28	4,1	0,82	337
Латинская Америка и Карибский бассейн	781	15,8	39	6,2	0,48	226
Развитые страны	1 116	22,6	36	5,6	0,50	633
Мир	4 988	100,0	38	1,5	0,21	393

Вычислено по 9, 12, 13, 14.

Америке и Западной Европе, как и экологические проблемы из-за чрезмерной интенсификации заставили эти страны, учитывая важность продовольственной и экологической безопасности, принять меры по перестройке отрасли путем диверсификации производства и методов агротехники, сочетания интенсивных и экстенсивных форм сельского хозяйства, ограничения количества вносимых минеральных удобрений и агрохимикатов, стимулирования органического земледелия и др. [3]

С конца XX в. складывается определенная дивергенция в путях трансформации агросферы развитых и развивающихся стран. Последние находятся на более низких этапах развития сельскохозяйственного производства, которые развитые страны прошли ранее в XX в. Главной задачей РС остается увеличение объема сельскохозяйственной продукции всеми доступными способами при явной нехватке финансовых средств и обилии трудовых ресурсов в разных природных условиях [7].

Неравномерное обеспечение сельского населения земельными угодьями, их разная природная продуктивность, как и различные виды использования – одна из причин остроты продовольственной проблемы. В 2005 г. сельскохозяйственные угодья мира (пашни, многолетние насаждения, пастбища) занимали 5 млрд га, т. е. на одного сельского жителя в среднем прихо-

дилось 1,5 га. Развитые страны выделяются самой высокой землеобеспеченностью (5,6 га/чел.), имея 6,2 % сельского населения мира, они обладают 22,4 % сельхозугодий. Сельский житель развивающихся стран имеет почти в 5 раз меньше земли (1,2 га). Однако, различия между регионами очень велики. Наилучшая ситуация в Латинской Америке (6 га/чел.). Существенно выше среднемирового уровня положение в ЦВЕ-СНГ (4,1 га/чел.). Значительные сельхозугодья, правда, в основном пастбищные, имеются на Ближнем Востоке и в Северной Африке и даже в Африке южнее Сахары. А вот Восточная и особенно Южная Азия (0,2 га) явно испытывают дефицит пригодных земель, который можно компенсировать только повышением продуктивности угодий, что и происходит последние десятилетия (табл. 2).

Господствовавшая в XX в. тенденция к интенсификации агропроизводства, столь характерная для развитых стран, в конце века заметно ускорила в развивающихся государствах. Причем использовались как традиционные, так и современные способы [7]. Об уровне интенсивности свидетельствует соотношение пашни и пастбищ, чем выше распаханность, тем интенсивнее сельское хозяйство и выше производственный потенциал. В мире пашня занимает вдвое меньшую площадь, чем пастбища. В среднем на одного сельского жителя прихо-

дится лишь 0,21 га пахотных земель [12]. Примерно такую же площадь в среднем обрабатывает житель СМ в развивающихся странах, но вдвое большую – в развитых. Из 6 рассматриваемых макрорегионов самая высокая обеспеченность пашней в ЦВЕ-СНГ (0,82 га/чел.), самая низкая – на Ближнем Востоке (0,16 га/чел.), в Восточной Южной Азии (0,18 га/чел.). На сельскожителя Латинской Америки приходится столько же пашни, сколько на живущего в развитых странах (0,5 га/чел.) (табл. 2).

Традиционно интенсификация способствовала мелиорация. В целом ряде развивающихся стран (Египет, Ирак, Индия, Китай) ирригация имеет очень давнюю историю, охватывающую многие тысячелетия. В Южной Азии ныне орошают 2/5 обрабатываемых земель, близкие показатели на Ближнем Востоке и Северной Африке. Наиболее слабым развитием поливных земель отличается Африка южнее Сахары. В Латинской Америке и ЦВЕ-СНГ орошается около 1/10 пашни. В среднем в РС к поливным относят 1/5 обрабатываемых угодий, тогда как в развитых – немногим более 1/10 [12]. Качество ирригационных сооружений и способы орошения, однако, существенно различаются в государствах с разными доходами.

Важным фактором, ускорившим интенсификацию в РС, стала Зеленая революция, начавшаяся в 1960-х гг. в Мексике и Индии и позже распространившаяся в Юго-Восточной Азии, а в 1980-х гг. в Восточной Азии (Китай). Она связана с внедрением высокоурожайных гибридных сортов пшеницы и риса, что потребовало увеличения количества вносимых удобрений и ирригации. Урожайность всегда служит физическим показателем интенсивности земледелия. Для международных сравнений чаще применяют данные об урожайности зерновых культур. За 1950–2005 гг. она выросла в мире втрое – до 33 ц/га, однако за последние 15 лет темпы роста снизились. Средняя урожайность зерновых за 2003/05 гг. существенно различалась по регионам и странам, особенно в РС. Средний показатель РС (28 ц/га) заметно ниже, чем в развитых странах (50 ц/га). Рост урожайности имел место в пяти регионах РС, лишь в ЦВЕ-СНГ произошел спад (на 1/10). Самая высокая урожайность достигнута в Восточной Азии (средняя – 45 ц/га, в Китае – 51 ц/га). ЦВЕ-СНГ (23 ц/га, в России – 18 ц/га) уступает трем регионам – Южной Азии, Ближнему Востоку и особенно Латинской Америке. Самый низкий уровень характерен

для Африки южнее Сахары (11 ц/га). Впрочем, существует большой разрыв и среди высокодоходных стран – урожайность во Франции 69 ц/га, США – 64, а в Австралии – только 19. Повышению урожайности в РС особенно способствовало химизация.

В начале XXI в. при среднемировом потреблении минеральных удобрений 101 кг/га пашни в развитых странах вносили 121, тогда как в РС – 95 кг/га, т.е. разница снизилась до 1/4. На первое место среди макрорегионов вышла Восточная Азия (230 кг/га), на второе – Южная Азия (105 кг/га). Средние показатели были у Латинской Америки и на Ближнем Востоке. В ЦВЕ-СНГ применение удобрений столь резко снизилось, что стало вдвое ниже, чем среднее по РС. Минимум удобрений вносят в Африке южнее Сахары (14 кг/га пашни) [12]. Применение агрохимикатов в РС растет, даже запрещенных в развитых странах токсичных пестицидов, и обостряется экологическая обстановка, но внедрение новой биотехнологии тормозит от отсутствия средств.

Существенное значение для подъема производства и повышения качества продукции имеет механизация. Однако затраты на механизацию определяют доходы фермеров и крестьян, соотношения цен на технику и труд. Избыток рабочей силы в РС заметно сдерживает внедрение сельскохозяйственной техники. Для показа уровня механизации используют сведения о размерах тракторного парка и машинокомплектованности (число тракторов на 1 тыс. сельхозработников). Естественно, что он выше в развитых странах. В начале XXI в. из 27 млн тракторов мира 2/5 были сконцентрированы в Европе, 1/5 – в Северной Америке и 1/4 в Азии [12]. Машинокомплектованность резко различалась по регионам. Максимум был достигнут в высокодоходных странах (906 шт.), тогда как средняя по РС была в 113 раз меньше (8 шт.). Среди рассматриваемых макрорегионов благодаря наследию прошлого времени первенство сохраняет ЦВЕ-СНГ (100 шт./тыс. чел.), втрое превышая показатель Латинской Америки. Далее следует Ближний Восток, близкий к среднемировому уровню. Самая низкая машинокомплектованность (2 шт./тыс. чел.) в Восточной Азии и в Африке южнее Сахары [14].

Точнее всего уровень интенсивности показывает продуктивность сельхозугодий, которую можно определить, взяв добавленную стоимость сельского хозяйства (ДССХ) в расчете на 1 га таких земель. По нашим данным, она

составила в 2006 г. в среднем по миру 393 долл./га (табл. 1). Контрасты между регионами и группами стран оказались значительными, хотя на таких больших территориях в реальности существуют интенсивные и экстенсивные формы агропроизводства. В развитых странах продуктивность сельхозугодий (633 долл./га) вдвое выше, чем в РС (318 долл./га). Среди макрорегионов самая высокая интенсивность на уровне высокодоходных стран достигнута в Южной Азии (791 долл./га), где выше распаханность, много орошаемых земель, значительно применение минеральных удобрений, велики объемы товарной продукции, хотя и при низкой механизации и широком использовании ручного труда (трудоемкое производство). Повышенной продуктивностью отличается и Восточная Азия (588 долл./га) с таким же трудоемким типом хозяйства. Регион ЦВЕ-СНГ удерживается на среднемировом уровне (337 долл./га), что говорит о сочетании интенсивного и экстенсивного производства. Ниже среднего остается показатель Ближнего Востока и Латинской Америки – регионов с повышенной ролью пастбищ и экстенсивного сельского хозяйства (животноводство). Наконец, крайне экстенсивный характер имеет сельское хозяйство Африки южнее Сахары.

Таким образом, подтверждается идея Эстер Борлауг, высказанная в середине XX в., о взаимосвязи интенсивности сельского хозяйства и плотности сельского населения.

* * *

В мировом сельском хозяйстве, несмотря на значительные социально-экономические сдвиги и тенденцию к повышению научно-технической оснащенности, сохраняется макротерриториальная система с четко выраженной дихотомией, представленной развитыми и развивающимися странами. Последние два десятилетия РС создавали около 2/3, а развитые более 1/3 мировой ДССХ. За 1980–2006 гг. поднялись среднегодовые темпы роста этого показателя благодаря увеличению объемов продукции и росту мировых цен из-за повышения производственных затрат. За весь период ДССХ мира повысилась на 2/3, сходные показатели были у развитых и РС (66 и 62 %).

Наибольшие изменения произошли в Европе, где целый макрорегион ЦВЕ-СНГ переместился из развитых в категорию развивающихся. Если в начале 1990-х гг. по величине ДССХ он был лидером, то вскоре уступил свое место

Восточной Азии. Ныне Восточная Азия производит более 1/5, тогда как ЦВЕ-СНГ наравне с Латинской Америкой и Южной Азией дают по 1/10 мировой сельскохозяйственной продукции (табл. 1). Резкий рывок сделало сельское хозяйство Восточной Азии главным образом благодаря Китаю. Прирост продукции этого региона был вдвое выше среднемирового. Высокие темпы роста в Африке южнее Сахары говорят о низком уровне старта большинства стран, традиционно относящихся к РС и к кладе ЮАР, ранее бывшей в числе высокодоходных развитых стран. В условиях деградации агропроизводства общий прирост продукции ЦВЕ-СНГ за весь период был минимальным, а в 1990-х гг. даже отрицательным. В начале третьего тысячелетия во всех макрорегионах отмечен прирост ДССХ, хотя и в разной мере.

Сопоставление размещения населения и сельскохозяйственного производства показывает наличие резких диспропорций и связанную с этим остроту социальных и продовольственных проблем. В начале XXI в. высокодоходные страны, где живет лишь 15,8% населения мира, производят 37,3% мировой сельскохозяйственной продукции, тогда как низко- и среднедоходные государства сконцентрировавшие 84,2% всех жителей планеты, создают только 62,7%. Индекс локализации сельского хозяйства наглядно демонстрирует повышенную роль развитых стран (2,4) и втрое более низкий показатель РС (0,74) (табл. 1). Лишь два макрорегиона ЦВЕ-СНГ и Латинская Америка имеют индексы на уровне среднемировых. Из остальных благополучнее ситуация на Ближнем Востоке благодаря субсидиям нефтедобывающих стран. Наихудшее положение сохраняется в самых бедных регионах – в Африке южнее Сахары и в Южной Азии. За последние 15 лет индекс локализации повысился существенно на Ближнем Востоке, а также в Восточной Азии, в меньшей мере вырос в Латинской Америке, снизился в ЦВЕ-СНГ, оставаясь на прежнем уровне в Африке южнее Сахары и в Южной Азии.

Макрорегиональный анализ соотношения доли голодающих и ДССХ (индекс локализации угрозы голодания) подтверждает особую сложность продовольственной проблемы в Африке южнее Сахары и в Южной Азии, серьезность положений Восточной Азии и неустойчивость в остальных регионах. Вычисленный индекс в 17 раз выше в РС по сравнению с развитыми странами. В Африке южнее Сахары он отлича-

ется от развитых государств 52 раза. В ЦВЕ-СНГ он втрое выше, чем у развитых стран, хотя регион выглядит благополучнее других, даже сравнительно с Ближнем Востоком и Латинской Америкой. Однако все регионы РС находятся на этапе «продуктивистского» сельского хозяйства, т.е. в условиях недостаточного обеспечения сельскохозяйственной продукцией прежде всего продовольствием, ибо даже превышение среднего мирового уровня означает наличие значительной части голодающего населения.

Ожидается дальнейшее усиление роли РС в мировом сельском хозяйстве, причем главные позиции сохраняют 4 региона – Восточная

Азия, ЦВЕ-СНГ, Южная Азия и Латинская Америка. Социально-экономические и материально-технические, а также природные факторы предопределяют различие в путях и формах развития агросферы макрорегионов. Если для Восточной и Южной Азии и на Ближнем Востоке – это интенсификация, то в ЦВЕ-СНГ, Латинской Америке, да и в Африке – сочетание интенсивных и экстенсивных форм. Всюду важнейшая цель – самообеспеченность продовольствием на базе роста производительности труда. Однако задача уменьшения вдвое доли голодных и бедных к 2015 г. остается явно невыполнимой.

Библиографический список

1. Браун Л.Р. Экоэкономика. Как создать экономику, оберегающую планету. – М.: Весь мир, 2003.
2. Доклад о мировом развитии 2000/2001 года. Борьба с бедностью. – Вашингтон: Всемирный банк, Международный банк реконструкции и развития, 2001.
3. Доклад о развитии человека 2007/2008. ПРООН. – М.: Весь мир, 2007.
4. Кузина И.М. Современные тенденции развития и сдвиги в географии аграрного сектора мира // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – Вып. 16. – М.: МГУ, 2006. – С. 45–64.
5. Кузина И.М. Эволюция сельской местности и меняющаяся география аграрного сектора. В кн.: География, общество, окружающая среда. Том 5. География социально-экономического развития. – М.: Изд. дом «ГОРОДЕЦ», 2004. – С. 347–383.
6. Мир на рубеже тысячелетий (прогноз развития мировой экономики до 2015 года). – М.: Изд. дом «Новый век», 2001.
7. Пуляркин В.А., Егоров И.Д. Развивающиеся страны: природопользование и хозяйственный рост. – Якутск: «БИЧИК», 2000.
8. Состояние мира 2002. Доклад института Worldwatch о развитии по пути к устойчивому обществу. – М.: Весь мир, 2003.
9. Состояние окружающей среды 2005. Стат. справочник Всемирного банка. – М.: Весь мир, 2005.
10. Страны и регионы 2007. Стат. справочник Всемирного банка. – М.: Весь мир, 2008.
11. Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблемы России. – М.: Т-во научных изданий КМК, 2005.
12. FAO Production yearbook. Vol. 57. Rome, FAO, 2003.
13. 2007 World development indicators. The World bank. Washington, 2007.
14. World development report 2008. Agriculture for development. The World bank. New York, Oxford University Press, 2008.

А.В. Костенков
(г. Смоленск)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ ЯПОНИИ: ОПЫТ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Kostenkov A.V.

TERRITORIAL DISPUTES WITH INVOLVING JAPAN: THE EXPERIENCE OF GEOGRAPHICAL AND HISTORICAL ANALYSES

In the article questions of history and modern condition of territorial disputes of Japan with the neighboring states are considered: Russia, Republic Korea, China.

Проблема территориальных споров – одна из наиболее крупных проблем международной политики. Учитывая долгую и сложную историю формирования политической карты мира и национальных границ, практически любая страна может выдвинуть территориальные претензии к большинству своих соседей, если не ко всем. Исходя из принципа исторического прецедента, эти претензии будут иметь определенные основания. В то же время, в большинстве случаев претензии остаются уделом групп крайних националистов, находясь за пределом серьезного дипломатического диалога. Реально выдвигаемые на уровне национальных правительств территориальные претензии, как правило, являются следствием затяжных вялотекущих конфликтов, многие из которых сами по себе давно ушли в прошлое.

Влияние территориальных претензий на межнациональные отношения в целом следует признать деструктивным. В большинстве случаев потери, возникающие от осложнения отношений между сторонами конфликта вокруг спорных территорий оказываются существенно ниже потенциальных выгод. Особенно тяжелыми бывают ситуации, когда споры за территории перерастают в военные конфликты. При этом начать территориальный спор как правило достаточно просто, тогда как прекратить его тогда, когда он стал чувствительной частью национального сознания, крайне сложно. Дело в том, что любая уступка оппоненту будет расценена гражданами каждой из сторон как поражение, вне какой-либо зависимости от реальных прав сторон на территории. Исторически сама постановка вопроса о правомерности обладания государством той или иной территорией является прецедентной, и в конечном итоге упирается в тот или иной акт завое-

вания. Опираясь на систему международных договоров также затруднительно, так как они, во первых, зачастую оставляют простор для разночтений, а во-вторых, любой договор может быть объявлен заинтересованной стороной неправомерным и заключенным под давлением в ущерб национальным интересам и ее трактовке «исторической справедливости». Поэтому большая часть споров разрешается не на основе всегда спорной и относительной концепции «исторической справедливости», а на основе реально существующего баланса сил, интересов и возможностей сторон.

Япония, как и другие великие державы, имеет сложную историю отношений со своими соседями, бывшими исторически либо ее конкурентами и противниками, либо жертвами экспансии, порой же и тем и другим одновременно. Наследие этих конфликтов продолжает жить в территориальных спорах, которые Япония имеет со всеми тремя своими непосредственными соседями. Если не считать спора о нахождении американских вооруженных сил на территории Японии, который обычно не поддерживается японским политическим мейнстримом и является не столько территориальным, сколько собственно политическим, то Япония является вовлеченной в четыре территориальных спора. При этом в двух случаях претензии выдвигает Япония, а в двух претензии выдвигаются по отношению к ней. Три из четырех споров формально являются результатом не всегда четких формулировок в договорах и прочих документах, подведших итог участия Японии во Второй мировой войне. Четвертый, вокруг атолла Окинотори, является более специфическим, и даже формально связан не столько с наследием прошлого, сколько с современной проблематикой международных отношений.

Южные Курильские острова (Россия, под контролем России). Территориальный спор до сих пор является основным камнем преткновения в отношениях России и Японии. Кроме того, это единственная спорная территория, являющаяся не группой скал, а крупными и населенными островами. Территории, считающиеся спорными, включают в себя два южных острова Большой Курильской гряды и Малую Курильскую гряду, общей площадью 5 907 кв. км:

- Итуруп/Эторофу-то, от айнского «Большой лосось» – остров в составе Большой Курильской гряды, площадь 3139 кв. км (крупнейший в гряде, около половины общей площади Курильских островов, составляющей 6725 кв. км), имеет вытянутую форму, длина 193 км, ширина – от 7 до 27 км. Высшая точка – 1639 м. На острове находится ряд действующих и потухших вулканов. Рельеф сложный, перемещения вне дорог затруднено. Население на 2003 год оценивается в 3500 человек. Центр острова и Курильского района Сахалинской области – город Курильск (2233 жителей по переписи 2002 года). На острове находятся военные объекты, в том числе известная база ВВС РФ «Буревестник».

- Кунашир / Кунасири-то, от айнского «Черный остров» – остров в составе Большой Курильской гряды, площадь 1490 кв. км, имеет вытянутую форму, длиной 123 км, ширина – от 4 до 30 км. Высшая точка – действующий вулкан Тятя (яп. Тятядакэ, от айнского Чачанапури), 1819 м. Центр – Южно-Курильск, население около 6000 чел. (2005 г.), является административным центром Южно-Курильского района, включающего острова Малой Курильской гряды и Кунашир. Весь остров является пограничной зоной, нерезидентам требуется регистрация в пограничном управлении. В хорошую погоду с южной оконечности острова виден японский берег, полуостров Сирэтоко (айнск. «Край земли»)

- Шикотан/Сикотан-то, от айнского «Хорошее место» – остров в составе Малой Курильской гряды, площадь – около 225 кв. км. Имеет форму неправильного прямоугольника. В отличие от островов Большой Курильской гряды рельеф Шикотана является низкоргорным. Население – около 2100 человек. Центр – село Малокурильское

- острова Хабомаи (по некоторым источникам – Малая Курильская гряда). Хабомаи-сёто – группа островов разного размера, об-

щей площадью около 99 кв. км, занимающая южную часть Малой Курильской гряды. В этом отношении существуют разночтения – одни источники включают о. Шикотан в состав Малой Курильской гряды, тогда как другие рассматривают М.К.г. как русский эвфемизм топониму Хабомаи, который не применяют в силу политических причин. Автор вне оговоренных случаев применяет название Малая Курильская гряда ко всем указанным островам в составе Хабомаи и Шикотана, что обусловлено объективными геологическими причинами. В настоящее время острова не заселены, хотя археологами обнаружены следы айнских поселений разных эпох. На острове Танфильева в 2005 году была построена православная часовня и поставлен крест. В 2007 году к ним был добавлен памятник Николаю Чудотворцу

Вплоть до середины XVII века цивилизованных стран достигали лишь отрывочные данные о Курильских островах. Населены они были племенами айнов, находившимися на первобытном уровне развития. В середине XVII века японская и голландская экспедиции нанесли их на карты. В середине-конце XVIII века разворачивается «гонка» между японцами и вышедшими к Тихому океану русскими за контроль над Эдзоти – «землей варваров, едящих морепродукты» (яп.). Русские вводят в свое подданство айнов Сахалина и Северных Курил и облагают их ясаком. Японцы устанавливают свою власть над севером Хоккайдо и Южными Курилами. Произошел ряд конфликтов в основном за Южные Курилы – которые обе стороны считали своими, и не собирались уступать. Русские форпосты были разрушены айнами в 1771 году из-за чрезмерно жесткой политики сотника Ивана Черного. Японские поселения также подвергались атакам айнов, которые не желали принимать ничье подданство. Однако японцам, успешно использовавшим жесткие меры и карательные акции, все же удалось закрепиться на южных островах к 1799 году построив две заставы и рыбацкие поселения. Русские не признавали этого, более того – согласно официальному «Землеописанию» 1787 года, считали спорной территорией и Хоккайдо. Экспедиция графа Резанова в 1806–1807 годах провела рейд против японцев и айнов на юге Курилы Хоккайдо, потопив встреченные японские суда и уничтожив ряд поселений.

После Реставрации Мэйдзи, были заключены официальные соглашения границах. 7 февраля 1855 года был подписан Симодский трактат

о границах, который закрепил Южные Курилы за Японией, а Северные – за Россией. Затем, 7 мая 1875 года Петербургским договором Японии были переданы все Курилы – в обмен на ее отказ от претензий на Сахалин. После Русско-Японской войны, согласно Портсмутскому договору Японии был передан и Южный Сахалин, получивший название Карафута. Правительство СССР в 1925 году отказалось признавать этот договор, однако активных действий предпочло не предпринимать. Японское правительство пыталось вести переговоры о покупке Северного Сахалина.

В конце Второй мировой войны советские войска провели успешные операции по захвату Южного Сахалина и всей Курильской дуги, где японцами был создан ряд укреплений – в том числе и мощная крепость на острове Шумшу. 2 февраля 1946 года острова были решением Верховного Совета СССР включены с состав Советского Союза. В 1947 году японское население Сахалина и Курил было принудительно депортировано на Хоккайдо.

Мирные договоры союзников с Японией, и соглашения по ее границам, были заключены 8 сентября 1951 года (соглашение в Сан-Франциско). Согласно статье, Япония отказалась от прав на Сахалин и Курильскую грядку. Изначально в тексте прямо указывалось, что все Курилы переходят в состав СССР. Однако делегация СССР заявила, что не станет подписывать договор, пока на конференции не появится делегация КНР, Тайвань не будет передан под власть коммунистов и американские войска не будут выведены из Японии. В отличие от закрепившегося на Тайване правительства Гоминьдана, коммунистическое правительство Поднебесной тогда не было признано большинством «буржуазных» стран, что не устраивало его главного союзника. А американские войска в Японии препятствовали разворачиванию там революционного движения под эгидой Москвы.

Пока шли споры и консультации статья по Курилам была сформулирована иначе – в частности, в силу сложностей, возникшими у американцев со статусом союзного им гоминьдановского Тайваня – также бывшей японской территории. Британия, в пике США, также по ряду вопросов встала на сторону КНР. В новой редакции Япония заявляла о своем отказе от Курил, но в менее конкретных выражениях. При этом пункт о переходе Курил под власть именно СССР был опущен, аналогично пункту о конкретной принадлежности Тайваня.

Статья 2-С соглашения гласила: с) Japan renounces all right, title and claim to the Kurile Islands, and to that portion of Sakhalin and the islands adjacent to it over which Japan acquired sovereignty as a consequence of the Treaty of Portsmouth of 5 September 1905.

«Япония отказывается от всех прав, титулований и претензий по Курильским островам, и той части Сахалина и островам, к нему прилежащим, суверенитет над которыми Япония получила как возмещение по Портсмутскому соглашению от 5 сентября 1905 года».

Это дало основание для Японии заявлять, что Южнокурильская гряда не относится к собственно Курильским островам. Тем не менее, международная практика выделяет Большую и Малую Курильские гряды в составе Курильской гряды. В соглашении упоминается лишь Курильская гряда, без дальнейших дефиниций.

В соглашении упомянуты «территории, полученные по соглашению в Портсмуте», тогда как Южные Курилы в нем не упоминались. Однако в тексте Курильские острова и «Портсмутские трофеи» упоминаются последовательно и раздельно. К тому же, Курильская гряда вошла в состав Японии по Петербургскому договору от 1875 года. Безоговорочная капитуляция Японии в 1945 году привела к потере ей коинтитета – любые договоры и соглашения, предшествующие капитуляции потеряли юридическую силу, так как были заключены с де-юре более не существующим государством. Как справедливо указывала японская сторона на переговорах в Портсмуте, «война перечеркивает все договоры».

Несмотря на то, что по договору Япония отказалась от прав на острова, в нем нигде не конкретизировано, что они должны были войти в состав СССР. Это так, однако по международному праву и обычаю сторона, которая занимает территорию другой страны в ходе военного конфликта, после чего бывший владелец территории отказывается от этой территории, автоматически признается новым владельцем территории.

Таким образом, аргументы японской стороны выглядят сомнительными. Впрочем, отметим, что уже на конференции в Сан-Франциско японская сторона заявила о том, что считает острова Шикотан и Хабомаи не входящими в состав Курильской гряды. При этом отметим и то, что японские дипломаты однозначно включали острова Итуруп и Кунашир в состав Курильских островов (Kuril Islands,

千島列島 – Тисима Рэтто), отказ от которых был подтвержден подписью под Мирным договором в Сан-Франциско.

Однако не все аргументы российской стороны можно считать полностью обоснованными. К примеру, о том, что это есть «российская территория, некогда отторгнутая японцами, а затем возвращенная». Южные Курилы, в отличие от Северных, никогда не входили в состав России до 1945 года как общепризнанно российская территория. Российские поселения там не смогли закрепиться на сколько-нибудь длительный срок. Российское и японское подданство айны принимали по нескольку раз, не вполне при этом понимая смысл мероприятия. Правильнее говорить, что вплоть до Симодского трактата 1855 года территория Курилы Сахалина являлась спорной между Россией и Японией, причем на северных – доминировали русские, а на южных – японцы.

Кроме того, операция «Буря в августе» (более известная в русскоязычной историографии как операция в Маньчжурии или советско-японская война 1945 г.), не носила со стороны СССР оборонительного характера. 5 апреля 1945 года советское руководство объявило о денонсации советско-японского пакта о ненападении. Выполняя обязательства перед союзниками, данные на Ялтинской конференции 1945 года, и обеспечивая свои геополитические интересы, 9 августа ударные силы РККА численностью около 1,5 миллиона человек начали «Маньчжурский блицкриг». 11 августа началось наступление на Сахалине. После разгрома японской Квантунской армии и официальной капитуляции Японии были проведены десантная операция на Северных Курильских островах (с 18 августа) и Южно-Курильской гряде (с 19 августа). Маршалом Василевским был отдан приказ о высадке и оккупации Хоккайдо силами двух дивизий, однако из-за продолжающегося сопротивления японских войск на Сахалине силы на эту акцию выделены не были.

2 февраля 1946 года Президиум Верховного совета СССР издал указ о включении Курильской гряды и Южного Сахалина в состав Сахалинской области СССР. Японская сторона, начиная с 1951 года, неизменно выступает с требованием «вернуть Северные территории», которые считает своей землей. Советская, а затем российская сторона неизменно заявляет о том, что Южные Курилы с 1945 года были и остаются законной территорией России, хотя с 1993 года руководством Российской Федерации

признается наличие проблемы и необходимость ее решения путем переговоров.

Ряд стран мира, к примеру США и ЕС, склонны считать Южные Курилы территорией, спорной между Россией и Японией, склоняясь к позиции Японии. Так, резолюция Европарламента от 7 июля 2005 года рекомендовала «возвращение Японии Северных территорий, оккупированных Советским Союзом в 1945 году», что вызвало предсказуемо резкую ответную реакцию со стороны МИДа России.

Первая попытка разрешить вопрос дипломатическим путем имела место в 1956 году, когда руководство СССР в качестве акта доброй воли предложил вернуть Японии два южных острова в обмен на подписание мирного договора и признание двух северных островов в качестве советской территории. Однако на японскую делегацию было оказано давление со стороны влиятельных кругов США, давших понять японским переговорщикам, что в случае отказа Японии от Итурупы и Кунашира США откажутся от возвращения ей островов Рюкю. Японская делегация заявила о том, что требует все 4 острова. 19 октября 1956 года СССР и Япония, вместо запланированного мирного договора, приняли компромиссную Совместную декларацию, которая прекращала состояние войны и восстанавливала дипломатические отношения между двумя странами, а также фиксировала согласие СССР на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан после заключения мирного договора. В силу потери Японией коинтитета после безоговорочной капитуляции и принятия Потсдамской декларации в 1945 году, Совместная декларация является единственным обоюдно принятым документом, описывающим статус Южных Курильских островов.

После утвержденного 19 января 1960 года продления Японией американо-японского Договора о безопасности от 8 сентября 1951 года, против которого выступал СССР, советское руководство отозвало свои предложения по передаче Малой Курильской гряды по причине того, что она может быть использована для развертывания американских военных объектов. После этого советское правительство стало отрицать факт существования территориального спора с Японией, ссылаясь на то, что существующая де-факто граница является итогом Второй Мировой войны и не может быть пересмотрена. США косвенно поддержали позицию Японии, утверждая, что четыре спорных

острова юридически не являются частью упомянутой в Сан-Франциско более ранних документах Курильской гряды, а есть архипелаг Тисима, историческая часть Японии (хотя в большинстве случаев понятие Тисима Рэтто включает в себя все Курильские острова). В условиях Холодной войны руководство США менее всего было заинтересовано в нормализации отношений между своим главным геополитическим противником (СССР) и своим ключевым союзником в Азии (Японией). Японское руководство в свою очередь не могло идти на конфликт со своим геополитическим союзником.

Спор вокруг Южных Курил давно носит патовый характер. Ни одно японское правительство не может позволить себе признать острова российскими, опасаясь бури протеста и немедленной отставки. И ни один российский президент не может передать острова Японии, понимая последствия этого как для страны, так и для собственного рейтинга. В то же время, затягивание спора до бесконечности ведет к хроническому усложнению отношений двух стран, что в условиях текущей геополитической ситуации в Азии невыгодно обоим сторонам.

Разумным выглядит компромиссный вариант, оговоренный в Декларации 1956 года о передаче Хабомаи и Шикотан под управление Японии в обмен на заключение полноценного мирного договора и снятие территориальных претензий. Российское руководство в лице Президента Б.Н. Ельцина и министра иностранных дел А.В. Козырева на встрече в Токио в октябре 1993 года объявило, что признает наличие территориального спора и готово вести переговоры на основе Совместной декларации 1956 года, предложив заключение мирного договора в обмен на передачу Японии о. Шикотан и островов Хабомаи. Была подписана Токийская декларация, в которой стороны заявили о готовности преодолеть имеющиеся разногласия между двумя странами в целях достижения полной нормализации двухсторонних отношений, в том числе и в вопросе о спорных территориях, включающих четыре острова. Таким образом, Россия признала существование территориального спора с Японией о Южных Курилах. В 2000–2001 годах при премьерстве Иосиро Мори Япония также склонилась к варианту двух островов, и вопрос был близок к разрешению. Однако после прихода к власти правительства Дзюньитиро Коидзуми позиция Японии вновь ужесточилась и вер-

нулась к категоричному требованию передачи всех спорных островов.

В декабре 2006 года министр иностранных дел Японии Таро Асо, известный своими правыми взглядами и категоричностью по вопросам о спорных территориях Японии (в частности, Сэнкаку и Окинотори) на заседании парламентского комитета высказал предложение о разделе островов на две равные по площади части. Он уточнил, что в его понимании 50% спорных территорий по площади будут соответствовать 3 меньшим островам и 25% площади острова Итуруп. МИД Японии дезавуировал это заявление, объявив, что его слова были «неверно истолкованы».

Установление премьерства более открытого для диалога Ясуо Фукуда может вернуть переговорный процесс в конструктивное русло. По информации агентства Киодо Цусинот 15.01.08, японское правительство «изучает вопрос о том, чтобы разбить переговорный процесс на два параллельных потока: один – «по вопросу возвращения Японии островов Хабомаи и Шикотан», а второй – «по вопросам определения принадлежности Кунашираи и Итуруп». Информация пока что носит предварительный характер, однако может указывать на действительно конструктивные перемены в позиции японского руководства. Предполагается, что отправной точкой для этого послужила личная встреча Владимира Путина и Иосиро Мори в Санкт-Петербурге в декабре 2007 года.

Смягчению позиции Японии могло послужить и происодящее укрепление позиций России на островах. В 2006 году была принята Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Курильских островов на 2007–2015 годы», которая в целом успешно реализуется и сопровождается ускоренным повышением уровня жизни населения островов. В 2007–2016 годах запланировано вложить в развитие островов 15,6 миллиардов рублей.

В числе мероприятий запланировано:

- строительство Менделеевского энергетического комплекса для теплоснабжения пос. Южно-Курильск от геотермальных источников
- реконструкция летного поля аэропорта Менделеево (остров Кунашир) для приема самолетов типа АН-24;
- строительство аэропорта Итуруп
- реконструкция портпункта «Малокурильское», грузовой пирс, остров Шикотан;
- реконструкция Курильского портпункта в заливе Китовый, остров Итуруп

– строительство больницы на 50 коек с поликлиникой на 100 посещений в смену в г. Курильске, остров Итуруп

– реконструкция Курильского лесосевого рыбоводного завода, остров Итуруп

– строительство причального комплекса в пос. Южно-Курильск, остров Кунашир

– реконструкция водоснабжения в г. Курильске, остров Итуруп

– реконструкция водоснабжения в с. Рейдовое, остров Итуруп

– создание сети цифрового телерадиовещания для населенных пунктов Курильских островов.

Также проводится ряд проектно-исследовательских работ по созданию и реконструкции автодорог, линий электроснабжения и объектов социальной инфраструктуры. Также предполагается развитие производства и предпринимательства, прежде всего – в области пищевой промышленности и разработки месторождений полезных ископаемых.

Вложение крупных средств в Курильские острова, повышение уровня их социально-экономического положения и расширение российского присутствия, в купе с восстановлением военного и экономического потенциала, дало понять японскому руководству, что вероятность выполнения Россией его требований по передаче островов становится все меньшей. Это и усиливает позиции России на любых переговорах о статусе островов.

К тому же Япония стремится к диверсификации источников импорта углеводородов в силу сложной политической обстановки в районе Персидского залива, усиления китайского влияния в регионе и строительства совместной пакистано-китайской базы ВМФ в Гвадаре. В случае успешного преодоления имеющихся разногласий Россия может стать не только серьезным геополитическим союзником Японии в АТР, но и важным источником энергетического сырья.

Скалы Лианкура (территориальный спор с Республикой Корея, в настоящее время под контролем РК). Расположены в Японском море. Японское название – Такэсима (竹島), корейское – Докдо (독도). Европейское название получили после того, как в 1849 году их нанесло на карту французское китобойное судно «Лианкур». Состоят из 37 островов и скал вулканического происхождения общей площадью в 187 450 кв.м. Размерами среди них

резко выделяются два крупных – Западный и Восточный, разделенные проливом шириной около 150 м. В настоящее время находятся под контролем Республики Корея, что оспаривается японской стороной. Согласно южнокорейскому административно-территориальному делению, входят в состав провинции Кёнсан-Пукто. Согласно японской точке зрения – являются частью префектуры Симанэ. Ближайшие участки суши – южнокорейский остров Уллындо (в 84 км) и японские острова Оки (в 157 км).

Значение островов заключается в стратегическом положении в Японском море, а также значительных возможностях рыболовного промысла.

Исторически скалы не обращали на себя особого внимания правительств Японии и Кореи в силу их малых размеров и значения. Время от времени там возникали рыболовные поселения, но значительную часть своей истории острова оставались необитаемыми – чему причиной проблемы с пресной водой и сложные мореходные условия, так как на островах нет достаточно надежных гаваней. Вопрос о том, входили ли острова в состав корейского государства официально, остается предметом диспута между японскими и корейскими учеными.

В настоящее время постоянного населения на островах фактически нет. Двое граждан Южной Кореи, рыболов Ким Сундо и его супруга, постоянно проживают на островах. Их проживание спонсируется правительством РК из политических соображений. Вахтовым способом на островах работает персонал трех маяков, рыбаки, и представители южнокорейского министерства морских дел и рыболовства. Кроме того, охрану островов несут 37 вооруженных сотрудников полиции, работает военная радарная станция и посадочная площадка для вертолетов.

Спор о принадлежности островов восходит к началу XVII века – после появления островов Лианкура и Уллындо в японских записях. Некоторое время обе стороны исходили из того, что это их территория, не предпринимая мер по обеспечению своих прав, и не интересуясь мнением другой стороны. Конфликт начался в 1693 году – когда японские рыбаки у островов вступили в бой с корейскими и захватили последних в плен. Через несколько месяцев пленники были отпущены, а правительство сёгуната направило корейскому двору официальное требование не допускать появления корейских рыбаков у Такэсима и Уллындо как японской территории. После сложных переговоров сёгунат выпустил инструкцию, запрещающую японским рыбаками

появляться у Уллындо «во имя дружественных отношений Японии и Кореи». Скалы Лианкура (тогда названные японцами Мацусима) в инструкции не упоминались. В 1696 году один из бывших пленников, капитан Ан Ёнбок, с представителем правительства совершил плавание к островам, обнаружив японское поселение на островах Лианкура, и японско-рыболовное судно у Уллындо. Японские рыбаки заявили, что живут на Мацусима, и были отнесены к Уллындо непреднамеренно. Ан отправился в Эдо, и потребовал от сёгуна уточнить инструкции, что скалы Лианкура являются территорией Кореи. Требование было выполнено. После инцидента на Уллындо появились постоянные корейские поселения, однако к середине XIX века они вновь исчезли и острова стали необитаемы.

В японском географическом атласе Хаяси Сихэя (1783 г.) скалы были обозначены в качестве «владений Кореи». То же подтверждалось и в более поздних изданиях. В 1849 году скалы, обнаруженные французским китобойным судном, были названы «скалами Лианкура». В 1854 году появилось русское название – «скалы Маналай и Оливуца», в 1855 – английское «Шмелиные скалы» (Hornet Rocks). Однако в международной практике закрепилось именно французское название. Оно используется по сей день как международно-«нейтральное» в силу спорного статуса островов.

25 октября 1900 года корейское правительство отнесло Уллындой прилегающие острова к графству Уллын. Однако японские историки указывают, что в том, какие именно острова были отнесены к графству, в документе возможны разночтения и, следовательно, острова Лианкур не входили тогда в состав Кореи.

Отметим, что в этот период времени Япония находилась в стадии экономического роста и становилась одной из великих держав. Корея, согласно воззрениям японских геополитиков, была важнейшим элементом геостратегической безопасности Японии и в конце XIX века японская дипломатия и спецслужбы прилагали все усилия для того, чтобы ввести ее в состав японской сферы влияния. Это находило противодействие со стороны Российской империи, стремившейся установить свой контроль над Северо-Восточной Азией, и в том числе Кореей. После устранения японскими спецслужбами корейской королевы Мин, занимавшей жесткую антияпонскую позицию, в Корею антияпонские настроения лишь усилились. Король Коджон объявил себя им-

ператором Кореи и предпринял попытки вести самостоятельную политику, что в условиях деградации системы управления страной, всеобщей отсталости и набирающего силу влияния соседних индустриальных империй было едва ли возможным.

После начала русско-японской войны японские войска начали наступление с юга Кореи на Маньчжурию. После занятия Сеула корейским правительством был подписан «японо-корейский протокол» от 24 февраля 1904 года, предоставивший Японии номинальное право разместить свои войска на территории Кореи, в том числе в стратегически важных районах побережья и на островах. Командование ВМФ Японии заинтересовалось стратегически важным положением островов Лианкур. После Цусимского сражения, 24 июня 1905 года командование японского флота приняло план создания наблюдательных постов на островах Уллындо и Такэсима, которые должны были быть соединены подводным кабелем с аналогичным постом на японских островах Оки и далее с основной частью Японии.

При этом еще 28 января 1905 года японское правительство постановило считать острова Лианкур-Такэсима территорией Японии согласно принципу «Тerra nullus» исходя из того, что на момент аннексии острова не были заселены и объявлены чьей-то территорией. Согласно доминировавшим тогда в международной политике принципам «Realpolitik», мнение слабых неевропейских стран в расчет не принималось. Кроме того, Корея не имела возможностей опротестовать инкорпорацию островов в состав Японии в связи с вступлением в силу «японо-корейского договора о протекторате» («Вторая японо-корейская конвенция» в японской, и «Договора Ульса» в корейской историографии) от 17 ноября 1905 года, формально закрепившем за Кореей статус японского протектората. Великие державы, в том числе и США, согласились считать Корею частью японской сферы влияния (соглашение Кацура-Тафта от 29 июля 1905 года). Правительство Кореи было поставлено в известность об аннексии лишь 23 марта 1906 года. Современные корейские историки обосновывают незаконность аннексии в том числе и тем, что она была проведена тайно и прочие державы не были официально поставлены в известность об изменении статуса островов (как было сделано в случае с островами Огасавара). Информация об аннексии была опубликована лишь в японской печати.

Японские ученые и публицисты отвечали на критику со стороны корейцев достаточно противоречиво: с одной стороны, ссылаясь на «*Terra nullus*» и незаселенность островов на момент аннексии, с другой – утверждая, что они входили в состав Японии с 1618 года.

Согласно Каирской декларации от 1943 года, цель союзников в лице США, Великобритании и Китая (Гоминьдан) заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 года, и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла китайцев, были возвращены Китайской Республике. Япония будет также изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности. Вышеуказанные три великие державы, помня о пораженном народе Кореи, решили, чтобы в должное время Корея стала свободной и независимой. Острова Лианкур в тексте не упоминались, что сделало их послевоенный статус неопределенным.

Верховным командующим союзническими силами в Японии 26 января 1946 года была издана инструкция за номером 677, временно прекращавшая суверенитет Японии над рядом островов, в том числе и Лианкур. В инструкции они значились в пункте «а», вместе с островами Уллындой и Чеджудо. Заметим, что инструкция носила односторонний характер, относилась к органам оккупационной администрации, и не носила характера международного соглашения. При заключении «Мирного договора с Японией» в Сан-Франциско 8 сентября 1951 года Япония официально отказалась от Уллындой и Чеджудо, однако в тексте договора острова Лианкур не упоминались.

В ходе войны в Корее командование вооруженных сил США занимало противоречивую позицию в отношении статуса островов. С одной стороны, генерал-лейтенант Джон Б. Коултер подал официальный запрос правительству Республики Корея о возможности использовать острова для тренировок американских военных и разрешение получил. Однако в 1953 году власти Республики Корея заявили протест посольству США по поводу использования скал для отработки бомбовых ударов авиации. Посольство США официально отклонило протест, сославшись на то, что правительство США не считает острова Лианкур частью территории Республики Корея. Об аналогичном запросе у правительства Японии данных нет. С другой

стороны, в американо-японском соглашении о безопасности от 26 июля 1952 года острова Лианкур значились как территория под контролем правительства Японии. В настоящее время руководство США предпочитает дистанцироваться от спора, выражая пожелания о мирном разрешении вопроса правительствами Японии и Кореи в двухстороннем порядке.

8 января 1952 года, до вступления в силу Договора в Сан-Франциско, президент Республики Корея Ли Сынман опубликовал декларацию, объявлявшую острова Лианкур территорией Республики Корея. Япония встретила эту декларацию резко критически. Недовольство декларацией в неофициальном порядке проявили также США, и правительство Гоминьдана Тайване.

20 апреля 1953 года 33 представителя береговой охраны Республики Корея высадились на берегах островов. В последующие годы (1953–1965) произошло большое количество инцидентов, включая затопление японского катера береговой охраны огнем корейской береговой артиллерии, 5 погибших японских моряков, а также 3929 японских и 472 корейских моряка, задержанных обеими сторонами за нарушение территориальных вод по версиям обеих стран. В октябре 1954 года Япония потребовала рассмотрения вопроса о принадлежности островов в Международном суде ООН и повторяет эти требования регулярно. Однако правительство Республики Корея отказывается от рассмотрения вопроса, полагая, что вопроса о принадлежности не существует и острова являются ее неотъемлемой частью.

Острова Сэнкаку (территориальный спор с КНР и Республикой Китай (Тайвань), под контролем Японии). Острова Сэнкаку («Острые башни») или Дяоютаи («Удильные» в смысле ловли рыбы на удочку), также известны как Пинэкль айлендз (англ. «Остроконечные острова») – архипелаг невулканического происхождения на границе континентального шельфа Азии, к северу от островов Сакисима и к северо-востоку от Тайваня. Ненаселен, общая площадь суши – около 7 кв. км. Состоит из пяти островов, трех крупных и ряда меньших скал.

Острова включают:

– Уоцуридзима / Дяюдао – крупнейший из островов, на него приходится более половины их общей площади – 4,3 кв. км. Высшая точка – 383 метра над уровнем моря;

– Кубадзима / Хуанвэйю – второй по площади остров, 1,1 кв. км, максимальная высота 117 м;

– Тайсэдзима / Чивэйю – третий по площади остров, 0,6 кв. км, высота 75 м. Удален от основной группы более чем на 90 км. КНР и Республика Китай (Тайвань) считают его своей крайней восточной точкой

– Минамикодзима / Наньсяодао – четвертый по площади, 0,4 кв. км. Находится возле Китакодзима, с которым образует пару (названия переводятся соответственно как Южный и Северный). Место гнездования редкого вида птиц (короткохвостого альбатроса);

– Китакодзима / Бэйсяодао – пятый по площади, 0,3 кв. км. Находится возле Минамикодзима.

Также выделяется три крупные группы скал: Окинокитаива / Дабэйсяодао, Окиномиамиива / Дананьсяодао, Тобисэ / Фэйляйдао.

Согласно японскому административно-территориальному делению острова относятся к префектуре Окинава, городу Исигаки. Кроме того, юридически часть островов с 1932 года является частной собственностью семьи Кога, с 2002 года арендуемой японским правительством.

Согласно точке зрения КНР и Республики Китай, острова являются частью провинции Тайвань, уезда Илань. В настоящее время острова находятся под контролем Японии. Вопрос усложняется тем, что в силу малой значимости островов в ранние исторические периоды они не упоминались в качестве чьих-либо владений в официальных документах. В силу малых размеров острова не были заселены человеком.

В китайских источниках упоминаются XV века как острова на морском торговом пути к Рюкю, наряду с Тайванем, однако в империю Мин и королевство Рюкю ни Тайвань, ни прилегающие острова официально не входили. При этом рыбакам с Рюкю острова были хорошо известны как район рыбной ловли, где они вели постоянный промысел. С 1624 года Тайвань и окружающие его острова стали голландской колонией, после чего в 1662 году перешли под власть Чжен Ченгона, в европейских источниках известного как Косинга. После падения династии Мин он продолжил сопротивление войскам Цинь и захватил у голландцев Тайвань в качестве плацдарма для подготовки реванша. Его сын был коронован в качестве принца Янпина, правителя Тайваня. Однако флот новообразованного королевства Туннин в 1683 потерпел поражение от циньского имперского флота, Тайвань с прилегающими островами стал частью империи Цинь.

Королевство Рюкю к тому времени было одновременно вассалом Китая (начиная с ди-

настии Мин, первой половины XV века) и Японии (с 1609 года, после экспедиции клана Симадзу из Сацума). Отметим также, что согласно официальной легенде, правящая династия королевства Рюкю происходила от сына японского аристократа Минамото-но Тамэтомо из рода Гэндзи, восходящего к японской императорской династии, в свое время изгнанного на острова в ходе смуты Хогэн (1156). После окончательного присоединения королевств к Японии в 1872 году правительство империи Цинь отказалось признавать этот факт, продолжая считать Рюкю частью своих владений. Окончательный разрыв отношений королевств с Китаем произошел в 1879 году, когда оно было преобразовано в префектуру Окинава. В 1885 году губернатор Окинавы предложил построить на Сэнкаку маяк с тем, чтобы обозначить их принадлежность Японии. Правительство отказалось от предложения, однако пояснило, что не возражает против продолжения рыболовного промысла в районе островов, так как считает их ничейными. Китай также не возражал против промысла рюкюских рыбаков.

В 1895 году, после первой японо-китайской войны, согласно мирному договору в Симоносеки Тайвань с прилегающими островами вошел в состав Японской империи. После обследования островов Сэнкаку японской экспедицией, не обнаружившей на них никаких свидетельств принадлежности Китаю, они были включены в состав Японии решением кабинета министров как необитаемые. Это также усложняет вопрос, так как китайская сторона считает острова вошедшими в состав Японии по договору в Симоносеки, и потому должны быть возвращены Китаю согласно Каирской и Потсдамской декларациям и Договору в Сан-Франциско, а японская с 1950 года указывает на то, что включение островов в ее состав не имеет отношения к договору 1895 года, а является самостоятельным актом. Япония отрицает принадлежность островов Китаю в любой исторический период до включения в ее состав на правах terra nulli.

После присоединения в 1895 году острова были переданы в бесплатную аренду японскому предпринимателю Кога Тацусира, начавшему их хозяйственное освоение с 1897 года. На островах впервые в их истории появились постоянные человеческие поселения – базы рыболовов и птицеводов, объекты по добыче гуано и фосфатов, склады и прочее. На острове Уоцури был создан поселок Кога. В 1932 пред-

приниматель приобрел 4 наиболее крупных острова в частную собственность. Однако слишком активная разработка ресурсов привела к их истощению, и в 1937–1942 годах компания обанкротилась, поселения были свернуты, и острова вновь стали необитаемыми.

После поражения Японии во Второй мировой войне префектура Окинава была передана под управление США, при этом к ней были отнесены и острова Сэнкаку. Американская администрация выплачивала семье Кога, оставшейся владельцем части островов, компенсацию за их использование (с 1958 года), в качестве полигона для своих вооруженных сил. В 1968 году стало известно о том, что на шельфе в районе островов могут находиться значительные залежи нефти и газа, что и вызвало начало активных споров. В 1969 году представители Тайваня установили на острове Уоцурисвой государственный флаг, объявив что архипелаг находится в их территориальных водах, но флаг был демонтирован американскими властями. В 1969–1970 на островах были установлены знаки, утверждающие принадлежность Сэнкаку Окинаве, на английском, китайском и японском языках воспрещавшие нелегальное проникновение на их территорию, что было вызвано неоднократным появлением тайваньских рыбаков в районе островов. Когда в 1971 году была начата процедура возврата Окинавы под юрисдикцию Японии, власти Республики Китай и КНР направили США официальные протесты по поводу передачи ей островов Сэнкаку, объявив острова «исконно китайской землей». США отклонили их требования, но после передачи островов объявили о своей нейтральной позиции по территориальному спору.

В апреле 1978 года около ста китайских судов вошли в воды Сэнкаку с транспарантами о принадлежности островов Китаю. Тот факт, что этот инцидент произошел в ходе переговоров о заключении японо-китайского соглашения о мире и дружбе, вызвал недоумение японской стороны, потребовавшей объяснений у Пекина. Председатель Госсовета КНР Чжоу Эньлай заявил, что китайское правительство не имеет отношения к инциденту, который является «случайностью». В 1980-е годы, после подписания соглашения и улучшения японо-китайских отношений, проблема временно отошла на второй план, однако с середины 1990-х годов китайская сторона возобновила требования, вновь начались инциденты с китайскими

рыболовецкими судами периодически высаживающимися на островах гражданами КНР и Тайваня.

Японское правительство и общественные организации неоднократно принимали меры по утверждению японской принадлежности островов. В 1978 и 1996 годах японская молодежная ассоциация установила маяки на островах. Острова патрулируются силами береговой охраны Японии, предотвращающими имеющее место с 1996 года попытки китайских активистов высаживаться на побережье. В июне 2005 года, после очередного инцидента с заходом китайских рыболовецких судов в территориальные воды Сэнкаку и их выдворением из них японскими патрульными кораблями, к островам подошел фрегат ВМФ Тайваня со спикером Законодательного собрания Ван Цзиньпином и министром обороны Тайваня Ли Цзиэ на борту, однако все обошлось без серьезных инцидентов.

Экономической причиной споров являются не только рыболовецкие угодья, но и обнаруженные в 1999 году на шельфе возле островов залежи природного газа, оцениваемые в 200 млрд. м³. В 2003 году китайская сторона построила на шельфе возле границы территориальных вод газодобывающую платформу. Японская сторона заявила о своей обеспокоенности тем, что с платформы может быть осуществлена добыча газа из залежей, находящихся в ЭЭЗ островов Сэнкаку. В октябре 2004 года был проведен первый раунд консультаций единственным следствием которого стало совместное заявление о стремлении решить спорные вопросы, не прибегая к силе. КНР отвергла требования японской стороны ознакомиться с планами бурения и добычи газа. Более того, когда в 2005 г. японское правительство приступило к рассмотрению заявок японских компаний на выдачу лицензий на добычу газа в районе островов, власти КНР заявили протест, назвав это решение «односторонним и провокационным», заявив что «японские компании не могут проводить добычу газа на территории Китая». Это стало дополнительным поводом к антияпонским выступлениям в Китае, негласно поддержанным правительством. Второй раунд консультаций также не принес результатов, КНР отказалась прекратить добычу газа на территориях, которые считает своими и которые «не являются предметом спора». Вариант с совместной добычей газа, возникший

в ходе переговоров был отклонен японской стороной в ходе очередного раунда переговоров (март 2006 г.) на том основании, что «острова Сэнкаку исторически и юридически являются территорией Японии, поэтому ни о каких совместных с КНР разработках полезных ископаемых в этом районе речи идти не может».

Остров Окиноторисима (территориальный спор с КНР, под контролем Японии). Окиноторисима (яп. «Остров птицы открытого моря») также известен под испанским названием Паресе-Вела («Похожий на парус»), и английским риф Дугласа – весьма необычный, если не сказать уникальный объект в мировом океане. Строго говоря, он представляет из себя коралловый атолл, исчезающий с поверхности моря под действием целого ряда факторов: волновой эрозии, геологических (опускание дна), климатических (рост температуры вод мирового океана). Если накануне Второй мировой войны японское правительство планировало создать на Окиноторисима базу гидропланов, то в настоящее время оригинальные рифы почти скрылись под водой.

Это обстоятельство позволило правительству КНР в 2004 году заявить, что оно не признает островного статуса Окинотори и соответственно 200-мильной эксклюзивной экономической зоны вокруг. При этом китайская сторона указывает на прецедент со спорной территорией Великобритании, скалой Роколл в Атлантическом океане, по поводу которой Соединенное Королевство также требовало признания эксклюзивной экономической зоны. Однако после подписания Великобританией Конвенции ООН по морскому праву она официально отказалась от требований признания экономической зоны, и теперь речь идет лишь о правах на морской шельф в районе Роколл. Согласно положениям Конвенции, «островом является естественно образованный участок суши, во время прилива остающийся над водой», а «скалы, которые не могут поддерживать на себе человеческую жизнь или экономическую деятельность, не могут иметь эксклюзивной экономической зоны». Японская сторона возражает, что геологически Окиноторисима является атоллом, тогда как Роколл – вулканической скалой, а коралловые атоллы в мировой практике, как правило, приравниваются к островам. С юридической точки зрения вопрос является весьма спорным и в конечном итоге, как и в других случаях со спорными территориями, будущее вопроса

зависит не от выводов юристов, а от решений политикови возможностей сторон настоять на своей позиции.

Атолл никогда не был заселен человеком. Он был открыт испанскими мореплавателями, по разным данным либо Бернардо де ла Торре в 1543 году, либо Мигелем Лопесом де Легаспи в 1565. В 1789 году британский мореплаватель Уильям Дуглас, в честь которого возникло английское название острова, нанес его на карту. В силу удаленности японцам Окиноторисима не была известна до 1888 года, эпохи Мэйдзи. На остров в силу его незначительных размеров и отсутствия развитого законодательства в области использования морских ресурсов не претендовала ни одна страна. Однако по мере усложнения военно-стратегической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе остров обратил на себя внимание японского флота. В 1922 и 1925 годах вспомогательный корабль императорского флота проводил рекогносцировку атолла. В 1931 году Япония объявила его своей территорией, что не встретило возражений ни одной страны. Целью присоединения было создание базы гидропланов для патрулирования окружающих акваторий. Официально было объявлено лишь о строительстве маяка и метеостанции. Строительство объектов базы началось в 1939 году, однако со вступлением Японии во Вторую мировую войну оно было прервано. После войны острова Огасавара, включая Окинотори, находились под контролем США, а в 1968 году были возвращены Японии. Остров вызывал внимание разве что как крайняя южная точка Японии. Но в конце 1970-х годов, когда возникло понятие эксклюзивной экономической зоны и их разграничение, несколько скал, возвышающихся над водой над водой, обеспечили Японию эксклюзивными правами эксплуатации 400 000 км² весьма ценных с точки зрения рыболовства морских просторов, и дна под ними, потенциально имеющего нефтегазоносные слои. При этом японская сторона не ведет активного рыболовного промысла в районе Окинотори, ограничиваясь символической отправкой рыболовецких судов в целях демонстрации экономической активности в районе.

Окиноторисима находится в Филиппинском море (20°25' с.ш., 136°05' в.д.). Несмотря на удаленность от Токио на 1740 км, формально он относится к метрополису Токио, его суб-префектуре Огасавара. Постоянно надводная часть Окинотори представлена тремя малыми

островами («кодзима») – Восточным (Хигасикодзима), Северным (Китакодзима), и Южным (Минамикодзима). Большая часть рифа даже в отлив находится под водой. Лагуна имеет вытянутую грушевидную форму, 4,5 км в длину и 1,7 км в ширину, со средними глубинами около 3-4,5 м. В юго-западной части атолла есть проходы для небольших судов глубиной около 6 метров.

Три малых острова в настоящее время представляют собой во многом искусственные образования. Вокруг Китакодзима (высотой 0,6 м в прилив), Хигасикодзима (0,4 м) и Минамикодзима (полностью погружившийся к 1989 году) созданы бетонные кольца диаметром около 60 метров каждое. Кроме того, на мелководном участке в 1988 году была построена платформа площадью 100 на 50 метров, включающая объекты Японского центра морских исследований и разработок, метеорологическую станцию и вертолетную площадку. В марте 2007 года на острове был построен маяк, что повлекло за собой обязательное нанесение атоллу географические карты. С 2007 года также проводится эксперимент по выращиванию новых кораллов, которые в случае успеха могут составить альтернативу бетонному строительству. Было объявлено о запланированном создании радарной установки для обнаружения кораблей в радиусе 330 морских миль.

Китайское правительство с 2004 года не заявляло протест по поводу статуса Окиноторисима и действий японского правительства по укреплению своих позиций на нем. Японское правительство отвергает все требования Китая по пересмотру статуса острова.

Основными причинами спора является экономические и геостратегические соображения. О экономических было сказано выше, а стратегические заключаются в том, что остров лежит в середине пути между американским островом Гуамс базой АПЛ Седьмого флота и Тайванем, союзником США и главным в настоящее время объектом территориальных претензий Пекина. Следует учитывать и то, что Окинотори лежит почти в центре Филиппинского моря, где в случае конфликта вокруг Тайваня могут развернуться военные действия. В связи с этим разведывательная деятельность китайских кораблей и выражение китайскими властями протеста по поводу новых мер Японии по расширению своего присутствия на атолле может быть связана с планами Пекина использовать эту акваторию как район развертывания своих подводных сил в слу-

чае конфликта. В силу этого США поддерживают позицию Японии по вопросу признания Окиноторисима островом. КНР является единственной страной, официально не признающей прав Японии на эксклюзивную экономическую зону вокруг атолла.

Существует пакет предложений по развитию острова и его ЭЭЗ, разработанный японским Фондом Ниппон в 2005 году в ответ на заявления китайской стороны. Он включает:

- строительство маяка (осуществлено в 2007 г.);
- выращивание морских организмов для наращивания рифовых структур атолла (осуществляется с 2007 года);
- создание экспериментальной электростанции, работающей на разнице температур поверхностных и глубинных слоев воды (осуществляется с 2007 года), способной также вырабатывать литий, важный для японской промышленности и в настоящее время импортируемый из-за рубежа;
- геологоразведку морского дна и разработку полезных ископаемых, создание социальной инфраструктуры – порта, жилых зданий, центров морских исследований и дальнейшего развития острова.

Еще до объявления Китаем о непризнании им японской эксклюзивной экономической зоны вокруг Окиноторисима в водах вокруг острова периодически стали появляться китайские суда, ведущие разведывательную деятельность. В 2001 году их было замечено 4, в 2002 – 2, в 2003 – 1. Но уже в первые три месяца 2004 года было отмечено 11 судов, исследующих воды и дно вокруг Окинотори, в том числе проводящих замеры глубины, предположительно в целях создания лоций для субмарин. С тех пор инциденты с проникновением китайских судов в акваторию ЭЭЗ Окинотори стали нередким явлением. Вопрос о статусе острова является одним из самых острых в японо-китайских отношениях.

* * *

Мировая практика показывает, что практически во всех случаях в спорах о принадлежности территорий не имеет объективного значения то, какая из сторон имеет больше формальных прав на них. Стороны собирают такую массу доказательств в поддержку своей позиции, что в конечном итоге более или менее четкий ответ на вопрос о принадлежности определяется любым политиком или публицистом исходя из его политических взглядов и симпатий.

Старающийся придерживаться объективной позиции исследователь, как правило, подчеркивает спорность вопроса принадлежности, чем нередко вызывает недовольство обеих сторон. Внедрение своей точки зрения на вопрос в национальную мифологию в конечном итоге загоняет ситуацию в тупик и даже понимающие практическую выгоду от компромисса политики оказываются в плену общественного мнения своей нации и угрозы катастрофического падения рейтингов и/или нарушения общественного спокойствия массовыми выступлениями против непопулярных мер. Так, взгляд россиян на Курилы как на «исконно русскую землю» находится в полном противоречии с аналогичным взглядом на них японцев, как на «неотъемлемую часть земли Ямато». При этом факт, что русские и японцы вышли к островам и начали их осваивать практически одновременно, давно уже не принимается во внимание общественным сознанием. Оно рассматривает ситуацию со спорными территориями как «игру с нулевым результатом» – то есть, любая уступка позиций оппоненту выглядит в его глазах национальным поражением и предательством со стороны властей.

Территориальные споры создают в межнациональных отношениях очаги напряженности

препятствуя развитию нормальных взаимовыгодных отношений. Это сказывается особенно негативно в тех случаях, когда развитие взаимодействия соответствует стратегическим потребностям конфликтующих за спорные территории стран. Так, если не брать ситуацию с Окинотори, где имеет место не столько территориальный спор, сколько спор о статусе территории, все три конфликта Японии имеют место со странами, являющимися ее естественными союзниками на случай противостояния с КНР. Корея и Тайвань еще с конца XIX, если не XVI века рассматриваются ее геополитической мыслью одновременно как плацдармы влияния на континент и «оборонительный периметр» на азиатском направлении.

Что же касается России, то в настоящее время Япония не имеет оснований для опасений в отношении российской экспансии в ее сторону. Напротив, наша страна нуждается в ускоренном развитии уже имеющихся территорий и эффективной защите их национальной принадлежности перед лицом внешних угроз. Сама Япония давно уже нуждается не в территориальной экспансии, а в поддержании безопасных и стабильных коммуникаций с внешним миром, рынках сбыта для продукции своей промышленности и инвестиционных площадках.

О.А. Сиротин
(г. Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ «ПОВОРОТА»

Sirotnin O.A.

PROBLEMS OF TRANSFORMATION AND DEVELOPMENT OF TOWNS IN EAST-GERMANY AFTER «TURNING»

In conditions of new economic relations transformation processes resulted in modification of towns and in search of ways of realization of the functions. In consequence of elimination of industry many towns demonstrated the flow-out of population. The last few years have witnessed the organization of the so-called victors and vanquished. While a number of towns (Leipzig, Weimar and Jena) managed to stabilize, former monosectoral centers (Bitterfeld-Wolfen, Hoyerswerda, Schwedt and rural outlying districts in Mecklenburg-Vorpommern and along the Polish frontier) entered a period of decline.

Трансформационные процессы, начавшиеся после объединения двух государств в условиях новых экономических отношений привели к изменению структуры самих городов и

поиску путей реализации функций. Переход к постиндустриальному обществу и включение в общеевропейский и международный рынки также отразились на городах. Объединение

Германии в 1990 г. и перенос западногерманской модели управления и предпринимательства на восточную часть страны вынудили города приспосабливаться к новым условиям. Негативными сторонами «поворота» (так немцы назвали эпоху преобразований) стали искусственное обесценивание предприятий, пространственная централизация рабочих мест, размывание понятия собственности не только на жилые объекты, но и на земельные участки. Пространственная централизация рабочих мест привела к ложному развитию экономики и исключила возможности её саморегулирования. Резкое падение доли промышленного производства во внутреннем доходе Восточной Германии, обусловленное не только плохим состоянием предприятий, но и рядом серьезных ошибок в экономической политике, допущенных под давлением западногерманских интересов, привело к затаянной 20%-й безработице, более 1 млн. человек переехало в старые федеральные земли (Западную Германию). Массированная, финансируемая государством политика развития строительства в пригородах привела к нарастанию процесса убывания городов, в которых еще до падения Берлинской стены уже было 350 000 пустующих квартир в старых домах. Сейчас количество незанятых квартир составляет 1,3 млн., а в 2030 г., согласно прогнозу, оно достигнет 2 млн. К 2050 г. население восточной части Германии может сократиться до половины своей прежней численности [5].

В западных землях на структуры населения накладываются заметный отпечаток большие города или метрополии (к примеру, Кёльн, Мюнхен, Гамбург, Дюссельдорф), тогда как в восточногерманской сети поселений заметно проявляют себя малые и средние города. Профилирующими сферами деятельности городов ГДР были перерабатывающие отрасли промышленности (в основном производящие средства производства) или производства товаров широкого (народного) потребления ремесла. После объединения как результат конкуренции с западными землями проявились проблемы моноструктурной специализации промышленности (и концентрации производства) и перекося городской территориальной структуры. Большинство городов, в особенности во вторичном секторе экономики, потеряло традиционную экономическую базу и рабочие места. Пришлось функции специализации превращать в профилирующие функции активнее развивать их.

Наиболее развитые города, преимущественно находящиеся на юге «новых земель», унаследовали свои достижения в сфере услуг от позднего Средневековья и имперской истории. «Замороженные» и «приторможенные» в эпоху социализма, в рыночной экономике они потребовали рекламы. Поддерживаются старинные ремесла и промыслы (в туристических центрах), имидж средневековых центров, открываются новые образовательные учреждения и привлекательные центры услуг. Многие замки и усадьбы, которые в социалистические времена переделывались в школы, больницы и прочие заведения, были возвращены владельцам и стали музеями, а некоторые превратились в отели. Менее развитые восточные и северные города «новых земель» извлекли все преимущества из европейского объединения. Северные приморские города совместно с датскими и шведскими концернами развивают собственную инфраструктуру и создают новые рабочие места. Также крупнейший остров страны Рюген «открыл» свои города-курорты для всего мира. А восточные города совместно с соседними польскими и чешскими «побратимами» трудятся в образовательной и торговой сферах. Активизация приграничного сотрудничества на уровне городов в еврорегионах «Про Европа Виандрина» (ФРГ, Польша) или «Нейсе» (ФРГ, Чехия, Польша) зарекомендовала себя как реальный механизм повышения роли городов и их функций. В городах-близнецах Франкфурт-на-Одере/Слублице, Губен/Губин и Гёрлиц/Згоржелец наиболее конкретные формы воплощения приобретают трансграничные мероприятия на местном уровне.

Для наиболее развитых городов юга (прежде всего Лейпцига) в 1990-е годы вследствие деиндустриализации (а значит потери ряда функций), интенсивного формирования сектора услуг и демографических изменений было характерно развитие вовне. Эти города пережили схожие процессы. В первой фазе этих процессов жители стали покидать центральную часть Лейпцига (она стала заброшенной) и переезжать на окраину города в новое жилье (не социалистического периода). В основном же из города уезжали в старые земли. Вторая фаза (субурбанизация) проходила, когда достаток позволил иметь загородные коттеджи и жители переезжают уже за городскую черту (основное время 1993–1998 гг.) В это время также строится инфраструктура, которую позже

окрестят «кില്ലюминированными лугами». Третья фаза – возвращение населения в центральную часть города, джентрификация.

В Саксонии еще одна черта перестроечного процесса – возникновение множества промышленных парков и технологических центров. В начале 1990-х годов началось строительство нового ярмарочного центра на севере Лейпцига. Реконструкция вокзала в торговоразвлекательный комплекс в конце 90-х, превращение нижних этажей в паркинги привели к увеличению приезжих. В начале 2000-х годов в Лейпциге концерны Porsche и BMW построили огромные заводы, что привлекло рабочих и новых жителей.

Столица объединенной Германии Берлин также поражает количеством реализованных строительных проектов. Строительный бум последних лет обходится городу в огромные суммы. В одно лишь возведение суперсовременного центрального вокзала город вложил 700 млн. евро. Вокзал, спешно построенный к чемпионату мира по футболу и расположенный прямо перед зданием рейхстага и администрацией канцлера, должен был продемонстрировать динамичное развитие столицы новой объединенной столицы Германии.

В 1990-е годы в Берлине налаживается совместное с землей Бранденбург планирование территориального развития. Планировщики исходили из того, что развитие городов, расположенных вокруг Берлина, а также региональных центров на пересечении железных дорог на дальней периферии региона способствует ослаблению потока трудовых мигрантов и усиливает экономически окружающие Берлин территории. Был разработан проект создания промышленного кольца вокруг Берлина, что должно уменьшить соответствующую функциональную нагрузку на город, а также способствовать улучшению экологической обстановки внутри города [1, с. 85, 86]. «Инфраструктура столицы рассчитана как минимум на 5 млн. человек, а реально в городе сейчас проживает немного более 3 млн., так что город предоставляет жителям очень комфортные условия по сравнению с другими европейскими мегаполисами». Однако, по данным ОЭСР, регион Берлина проигрывает Германии по показателям экономического роста. Производительность труда в столице стабильно отстает от средне-статистического показателя по стране. Не дотягивает до среднего уровня и рост производства. Чтобы экономика региона заработала с пол-

ной отдачей, немцам придется вложить в город ещё не один миллиард евро [3, с. 43, 44].

Развитием городских территорий в стране занимаются Федеральное Министерство транспорта, строительства и городского развития (Берлин), а также Федеральное Ведомство по вопросам строительства и пространственной организации (Бонн), Институт регионального развития и структурного планирования (Эркнер, Берлин). В сферу ведения Министерства транспорта, строительства и городского развития входит развитие инфраструктуры в восточных землях. Это – дорожное строительство (17 крупных федеральных проектов, соединяющих старые и новые земли), программы перестройки городов (при этом программы для западных и восточных земель сильно различаются), градостроительная охрана исторических памятников, программа «Социальный город» и др. [8]. В 1990-е годы появились программы санаций центральных или депрессивных городских районов, брошенных жителями кварталов. К таким городам относится Коттбус (земля Бранденбург). Отчетливый структурный сдвиг индустриальной моноструктуры привел к дифференцированному размещению промышленности, сферы услуг, ремесел и научно-исследовательского сектора. Тем не менее, открытая горная выработка и энергетическое хозяйство остались определяющими отраслями хозяйства. Важнейшие импульсы новому развитию придали заселение города многочисленными средними фирмами и «управлением», колонизация концернами, восстановление Технического университета Бранденбурга и Института Лаузитца, основание новых Ярмарочного центра и Центра конгрессов. Также туризм оказался развивающейся сферой деятельности, не в последнюю очередь благодаря Национальной садоводческой выставке, которая имело здесь место в 1995 г.

В 1992 г. был заключен коллективный договор о санации «Модельный город Коттбус – центральная часть». Область санации охватывает площадь около 125 га с населением 8 тыс. жителей. Инструментом региональной политики в данном случае является рамочное планирование, которое определяется как элемент коллективного договора санации и планирует увеличение строительства, развитие свободной территории. В центре города благодаря успешной санирующей работе обозначился рост населения. В рамках концепции по перестройке города нужно осуществлять меро-

приятия по повышению престижа, в особенности жилых районов и усиливать центральную часть Коттбуса

С 2001 г. Федерально-Земельная программа «Перестройка городов на Востоке» получила средства в объеме 2,5 млрд. евро [6, с. 40]. Благодаря ей впервые в истории германской жилищной политики поддерживается некомпенсируемыйнос жилья. В ряде мест (Шведт, Хойерсверда, Вольфен, Вайсвассер) снос жилья уже проходит в больших объемах. И он предусмотрен в планах других 200 восточногерманских городов. Недогрузка и перестройка городов – самые обсуждаемые темы в германской сфере развития городов. Необходимые решения, так как с началом реконструкции городов возникает много новых проблем. Для того, чтобы планомерно управлять перестройкой городов, надо выработать интегрированную концепцию городского развития. Города обязаны объединить отдельные мероприятия в совокупную документацию по конкурсным заказам Министерства транспорта, строительства и городского развития [6].

Городских проблем больше, чем достижений, и на них стоит обратить внимание. Многие старинные города (торговые- ганзейские и культурные центры) пережили Вторую Мировую войну и пятидесятые годы почти без разрушений. Невьясненные отношения собственности сегодня препятствуют санации и инвестициям настолько, что земельные участки, лежащие вне городских центров, становятся привлекательными для инвесторов. Последствия такой переоценки ценностей довольно печальны для внутренних центров этих городов. Торговые площади, имевшиеся в 1990 г. в Грайфсвальде (Мекленбург-Передняя Померания) увеличились через семь лет примерно в четыре раза: 13% из них приходится на старый городской центр, 18% – на районы новостроек и 69% всех торговых площадей расположены за чертой города [7, с. 376]. Особенности размещения розничной торговли пространственные изменения в 1990-е годы в центральных частях городов проявились в повышенной эксклюзивности и упрощении ассортимента товаров. Эти структуры находятся в состоянии острой конкуренции с крупномасштабными самостоятельными торговыми центрами, развивающимися за пределами городской черты [4, с. 54].

Период начала 1990-х гг. в Восточной Германии часто называют «эрой золотокопателей».

Этот термин очень точно отражает картину освоения территорий: сразу же после объединения логистические и строительные компании испытывали острую нужду в промышленных участках. Чем быстрее девелопер (одна из специализаций профессионала по операциям с недвижимостью) выставлял промышленный участок на рынок, тем больше было шансов найти нового владельца. Завышенные ожидания, особенно касавшиеся значимости аэропорта и нового выставочного центра к северу от Лейпцига, привели к тому, что частные инвесторы начали вести спекулятивные застройки вдоль федеральных трасс А9 и А14. Этот бум подстегивался политикой финансовой помощи на уровне Евросоюза, всей Германии и данного региона. Специальные амортизационные льготы поощряли частных инвесторов к развитию промышленных зон. Муниципальные промышленные зоны получили поддержку в рамках программы «Общие задачи развития Восточной Германии». Послание на застройку должно было снизить цены на участки и недвижимость, тем самым стимулировать промышленное строительство и создание новых рабочих мест. К середине 1990-х гг. этот спекулятивный «пузырь» лопнул. Ожидаемый рост так и не произошел, а прогнозы спроса не оправдались, земли продолжали пустовать, в регионе оставался избыток развитых промышленных парков. Строительство прекратилось; многие частные девелоперы заявили о банкротстве, а пришедшие слишком поздно – получили лишь «иллюминированные луга» [2]. «Иллюминированный луг» – голая инфраструктура без каких-либо зданий. Она включает в себя систему уличных стоков, некоторые удобства и установку для очистки сточных вод. В регионе Галле-Лейпциг «иллюминированные луга» свидетельствуют, с одной стороны, о несостоятельности политики финансовой помощи, а с другой стороны, о ложных прогнозах роста и о спекуляциях недвижимостью в первой половине 1990-х годов [5]. Промышленными зонами и дополнительными крупными участками земли вдоль шоссе теперь владеют банки. После начальной подготовки под застройку многие участки были оставлены до будущих времен, и пока что большая их часть снова используется для сельскохозяйственных целей, часто прежними их владельцами. Очень четко иллюстрируют существующую проблему вакантных промышленных участков две

цифры: уровень заселенности муниципальных промышленных зон в Лейпциге составляет 70%, в то время как такой участок начинает окупаться только кос уровня заселенности в 75%. Промышленный участок недостаточной или очень низкой заселенностью представляет собой постоянное финансовое бремя для муниципалитетов. Городские власти должны содержать в порядке улицы и прочие избыточные инфраструктуры промышленных участков, находящихся в частном владении, при этом не получая ожидавшейся от них прибыли через налоги на продажи и производство. Помимо затрат на обслуживание таких участков, существуют и другие: выплата процентов по кре-

диту, взятому на приобретение имущества и первичный девелопмент, а также выплаты в фонды помощи за неадекватное использование этих активов, которые вынуждены осуществлять некоторые муниципалитеты.

После периода общего убывания городов в последние годы сформировались относительно победители и побежденные. В то время как ряду городов (Лейпциг, Йена и Веймар) удалось стабилизироваться, бывшие моноотраслевые центры (Биттерфельд-Вольфен, Хойерсверда, Шведт и периферийные сельские регионы в Мекленбурге-Передней Померании и вдоль польской границы) вступили в период упадка [5].

Библиографический список

1. Гладкевич Е.В. «Актуальные проблемы развития Берлина в связи с изменением его политико- и социально-экономического статуса» // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – М.: Изд. МГУ, 1999. – №14. – С. 82–96.
2. Киль В. «Земли в тени неолиберализма» лекция Выставка «Убывающие города» // СПб.: Институт ПроАрте, 11.04.2008.
3. Сумленный С. «К востоку от Эдема» // Эксперт. – 2007. – № 24. – С. 38–44.
4. Штандль Х. «Процесс постсоциалистической трансформации розничной торговли в крупных городах» // Europa Regional. – 1998. – № 6.
5. «Убывающие города» Материалы архитектурной выставки // СПб.: Институт ПроАрте, 14 марта – 27 апреля 2008 г.
6. Bernt M. «Risiken und Nebewirkungen des Stadtumbaus» (Риски и побочный эффект перестройки городов) «Arbeitsmaterialien» [Электронный ресурс] // Berlin: Buero Philipp Oswald, Februar 2004.
7. Klüter H. «Überlegungen zur einer Geographie der Wende» «Geographisches Denken» // Kassel: Gesamthochschulbibliothek, 1997, Band 65. – С. 373–403.
8. Официальный интернет-сайт Федерального Министерства транспорта, строительства и городского развития: www.bmybw.de

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею профессора М.Д. Шаругина

8 ноября 2008 г. исполняется 70 лет заслуженному деятелю науки РФ, одному из крупнейших отечественных ученых в области экономической, социальной и политической географии, члену редакционного совета журнала «Региональные исследования», заведующему кафедрой социально-экономической географии Пермского государственного университета профессору **Михаилу Дмитриевичу Шаругину**.

М.Д. Шаругин родился в крестьянской семье в д. Малое Шаругино Яранского района Кировской области. По окончании школы работал в шахтерских городах Кузбасса, а с 1958 по 1962 год учился на естественно-географическом факультете Кировского педагогического института. Работал школьным учителем в Карелии. Отслужив в армии, в 1964 году возвратился в г. Киров, где был принят ассистентом на кафедру экономической географии педагогического института. После учебы в аспирантуре под руководством профессора В.А. Танаевского блестяще защитил кандидатскую диссертацию в Московском государственном университете (1970 г.) и уже в следующем году был избран заведующим кафедрой экономической географии Пермского университета. На этой должности широко проявился талант М.Д. Шаругина как организатора науки и географического образования, одним из замечательных событий первых лет работы стало проведение III Всесоюзного совещания по географии населения (1973 г.), в котором приняли участие ведущие ученые страны.

В 1980 г. М.Д. Шаругин успешно защищает докторскую диссертацию «Проблемы дробного экономического районирования и развития локальных территориально-производственных комплексов (на примере Уральского экономического района)». В ней впервые в отечественной экономической географии были разработаны методологические вопросы экономико-географического исследования территориальной организации производительных сил экономического района путем дробного экономического районирования, рассмотрены методологические основы управления, планирования и прогнозирования развития ЛТПК.

К научным заслугам профессора М.Д. Шаругина можно отнести значительный вклад в развитие теории территориальных социально-экономических систем и территориальных общественных систем. На основе концепции ТОС профессор М. Д. Шаругин разрабатывает вопросы нового административно-территориального деления страны, общественно-географического районирования, оптимизации территориальной организации производительных сил и социальной инфраструктуры в Уральском регионе, взаимоотношений в системе «центр-периферия», «город-село», социально-экономического и экологического развития регионов России. Результаты многолетних исследований отражены Михаилом Дмитриевичем в таких монографиях, как «Экономическая и социальная география. Новый этап» (Л., 1990, в соавторстве с А.И. Чистобаевым),

«Региональная социально-экономическая география» (Екатеринбург 1994, в соавторстве с Е.Г. Анимицей), «Территориальные общественные системы (региональный и локальный уровни организации и управления)» (Пермь, 2003) и др.

Тесная связь теоретических положений с конкретной реальностью развития российских регионов и практикой территориального управления являются неотъемлемыми чертами трудов Михаила Дмитриевича. Эти положения находят отражение не только в научных публикациях и монографиях, но и в учебных пособиях: «Региональная организация общества (теоретико-методологические проблемы совершенствования)» (1992), «Основы региональной политики» (2006), «Территориальное управление и планирование» (2007) и др.

Особое место в научных исследованиях занимает выявление фундаментальной сущности, методологических и теоретических положений общественной географии и географии в целом. Они нашли отражение в ряде учебных пособий: «Введение в теоретическую географию» (1984, в соавторстве), «Методология географической науки» (1988), «Современные проблемы экономической и социальной географии» (2008). В одной из последних работ, монографии «Общая география (вопросы теории и методологии)» (2007, в соавторстве с А.М. Трофимовым), обобщаются результаты многолетней работы авторов. В ней рассматривается объектно-предметная сущность единой географии, раскрываются принципы и подходы методологии географической науки, дается представление об организации географического пространства, выявляются тенденции перспективного развития науки и ее вклад в решение проблем территориального развития и управления.

Полный научный «багаж» Михаила Дмитриевича включает более 500 работ, в том числе около 50 монографий, учебников и учебных пособий. За научные достижения Михаилу Дмитриевичу было присуждено звание заслуженного деятеля науки РФ. Американский биографический институт внес его имя в книгу «The International Directory of The Distinguished Leadership» (North Carolina, 1999).

Михаил Дмитриевич внес значительный вклад в развитие высшего профессионального образования России. В 1970-е гг. он был активным участником работы Научно-методического совета по географии, работал в его Президиуме. Будучи одним из ведущих экономико-географов страны, читал курсы лекций для студентов географических факультетов многих университетов. Лекции Михаила Дмитриевича – площадка для диалога и активной дискуссии преподавателя с студентами. За заслуги и достижения в организации учебного процесса и преподавании географических дисциплин профессор М.Д. Шарыгин награжден знаком Министерства высшего и среднего специального образования СССР «За отличные успехи в работе». В 1998 г. ему присуждено звание почетного работника высшего профессионального образования РФ.

Профессор М. Д. Шарыгин является лидером научной школы социально-экономической географии ПГУ. За 30-летний период работы с докторантами, аспирантами и соискателями подготовил более 30 учеников, в т.ч. двух докторов наук. В 1996 г. по его инициативе был открыт диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций, а с 2002 г. – по защите кандидатских и докторских диссертаций по трем географическим специальностям, в т.ч. по специальности 25.00.24 – Экономическая, социальная и политическая география.

Будучи удивительно талантливым, целеустремленным, трудолюбивым, работоспособным ученым-географом, Михаил Дмитриевич остается добродушным, скромным и веселым человеком. Ученики профессора знают о его демократичности, простоте в общении и свободе выбора направлений творческого поиска. Общение с ним всегда приносит радость и жажду познания нового. Многие идеи профессора намного опередили свое время. Может быть, поэтому Михаил Дмитриевич смотрит с уверенностью и оптимизмом в будущее.

В канун славного юбилея редакционный совет журнала «Региональные исследования» желает Михаилу Дмитриевичу крепкого здоровья, личного счастья, талантливых учеников многих лет жизни и дальнейших творческих свершений.

Друзья и коллеги

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Атаев Заурбек Авакувович – доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии Рязанского государственного педагогического университета

Веденин Юрий Александрович – доктор географических наук, профессор, директор Российского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Грачёв Александр Борисович – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Всероссийского заочного финансово-экономического института, филиал в г. Брянске

Добромыслова Виктория Юрьевна – выпускница географического факультета МГУ 2008 г.

E-mail: Dobromyslova-Vika@yandex.ru

Костенков Алексей Владимирович – аспирант кафедры социально-экономической географии и туризма Смоленского гуманитарного университета

Кузина Ирина Михайловна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

E-mail: inter@geogr.msu.ru

Сиротин Олег Александрович – аспирант географического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Худяев Иван Александрович – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: molodoy2@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 6 раз в год. Его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований и региональной политике в России и за рубежом, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями:**

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.);
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц);
- иллюстрации (схемы, карты, диаграммы, графики) и таблицы следует предоставлять файлами, собранными в отдельную папку;
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.tif., *.jpg., *.psd.);
- каждый рисунок (таблица) должен быть пронумерован и иметь название;
- все изображения должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm;
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных);
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати;
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 10 строк) на русском и английском языке.

Редакции журнала требуется также справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются редакторской правке, не рецензируются и не возвращаются. Редакция в переписку с авторами не вступает.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии редакции.

Редакция

Подписка на журнал «Региональные исследования» принимается во всех отделениях связи. Подписной индекс 20442 в «зеленом» каталоге агентства «Роспечать». Стоимость подписки на 2-е полугодие 2009 г. (3 номера) – 300 рублей.

